

День открытых окон 3

Стихи участников II Московского
фестиваля университетской поэзии

Москва
2010

УДК 82-1
ББК 84Р7-5
Д34

Редколлегия:

Александра Бабушкина
Данила Давыдов
Анна Орлицкая
Юрий Орлицкий

Дизайн обложки:

Анна Орлицкая

*Издание осуществлено при поддержке
фонда «Милосердие».*

День открытых окон 3: стихи участников II Московского фестиваля университетской поэзии. – Москва, 2010. – 160 с.

ISBN 978-5-903630-07-3

В третий выпуск альманаха «День открытых окон» вошли стихи участников Второго московского фестиваля университетской поэзии, состоявшегося 23 – 25 октября 2009 года. Авторы сборника – молодые поэты из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Калининграда, Самары, Челябинска, Смоленска, Твери, Уфы, Омска, Чебоксар. Кроме того, в этом выпуске альманаха представлены стихи гостей фестиваля из Минска и Киева на украинском и белорусском языках, а также стихи поэта и переводчика Брюно Биссона на французском языке в переводе автора и стихи турецких поэтов Кадира Айдемира и Онура Бехрамоглу в переводах Марины Букуловой и Юрия Орлицкого.

Для всех интересующихся современной поэзией.

ISBN 978-5-903630-07-3

© День открытых окон 3, 2010
© Брюно Биссон, Марина Букулова,
Юрий Орлицкий, переводы, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
Максим Маркевич	9
Катерина Кюне	12
Анастасия Векшина	15
Александр Маниченко	19
Адель Циферблат	21
Александра Киселева	24
Денис Ларионов	25
Ольга Бес	27
Анастасия Строкина	29
Александр Курицын	31
Инна Заикина	34
Артем Филатоф	36
Майя Руцкая	40
Алла Зиневич	41
Степан Бранд	44
Света Сдвиг	45
Елизавета Калинина	49
Иван Сапков	52
Лев Оборин	54
Любовь Лямкина	57
Анна Новицкая	58
Анастасия Трифонова	60
Андрей Павлов	63
Айгуль Сабитова	65
Валентина Канухина	66
Денис Безносков	68
Екатерина Малова	70
Иван Курбаков	72
Ярослава Ананко	75
Анастасия Кирсанова	77
Марк Кирдань	79
Дмитрий Ратников	82
Алексей Костылев	84
Ольга Метальникова	85
Анна Орлицкая	86
Андрей Черкасов	89
Ольга Яковлева	92

Александра Соболева	94
Алексей Афонин	96
Галина Рымбу	100
Антон Равик	104
Дарья Смирнова	107
Мария Скаф	111
Эдуард Лукоянов	115
Татьяна Барботина	118
Александра Бабушкина	121
Владимир Воронцов	123
Вячеслав Хисамутдинов	126
Дмитрий Машарыгин	129
Карина Тумаева	132
Алеся Башарымава	136
Ігар Кулікоў	139
Брюно Биссон	141
Кадир Айдемир	142
Онур Бехрамоглу	145
Есть ли у университетов своя поэзия? Материалы круглого стола ..	147
Георгий Векшин, Данила Давыдов, Галина Ермошина, Дмитрий Кузьмин, Павел Настин, Ирина Романова, Сергей Стратановский, Дарья Суховой, Леонид Юлдашев	
Сведения об авторах	158

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Перед вами третий выпуск альманаха «День открытых окон». Он продолжает концепцию двух предыдущих сборников («университетская поэзия», понимаемая как творчество студентов, аспирантов и недавних выпускников вузов), при этом значительно расширяя географию участников. В первый сборник вошли произведения студентов Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), во второй – изданный по итогам I Московского фестиваля университетской поэзии – стихи молодых поэтов из девяти городов России. Настоящее же издание содержит тексты не только русскоязычных авторов из различных городов, но и авторов из Белоруссии и Украины на белорусском и украинском языках, а также переводы из молодых турецких поэтов и текст на французском языке в переводе автора. Таким образом, расширение рамок – как чисто географических, так и языковых – можно считать свойственной альманаху тенденцией.

Начиная со второго выпуска «День открытых окон» стал издаваться по итогам Московского фестиваля университетской поэзии. В 2009 году фестиваль состоялся уже во второй раз. В качестве его основного организатора снова выступило творческое объединение «ЛитПроект», существующее при РГГУ с 2007 года. Партнерами фестиваля в этом году стали Независимая литературная премия «Дебют», проект «Культурная инициатива», Виртуальная студия сайта «Новая литературная карта России» и Управление по работе со студентами РГГУ. Фестиваль проходил в течение трех дней (23 – 25 октября), в его программу вошли поэтические чтения, лекция профессора Ю.Б. Орлицкого на тему «Русская поэзия конца XX – начала XXI вв.: имена, течения, институции» и круглый стол «Есть ли у университетов своя поэзия?».

В настоящем сборнике представлено творчество пятидесяти пяти участников фестиваля. Среди них – молодые поэты, большая часть которых уже принимает активное участие в литературной жизни, выступает на поэтических фестивалях и вечерах, публикуется в различных журналах, альманахах и сборниках. Некоторые из авторов входили в лонг- и шорт-листы таких крупных молодежных литературных премий, как «Дебют» и «ЛитератураРРентген». Кроме того, многие из представленных в сборнике поэтов – участники Виртуальной студии

сайта «Новая литературная карта России», где можно более подробно ознакомиться с их текстами (<http://www.litkarta.ru/studio>). Таким образом, данный сборник – не просто результат фестиваля, но попытка представить читателю современную молодую поэзию посредством нескольких десятков наиболее ярких имен.

Кроме авторских подборок, сборник включает материалы круглого стола. Основной темой дискуссии стала университетская поэзия как явление и принципы организации вузовских литературных объединений. Мы попросили участников круглого стола ответить на три вопроса по данной теме и приводим их высказывания в заключительной части сборника, вместо послесловия.

Редколлегия

МАКСИМ МАРКЕВИЧ

1973

1973 год.

Меня еще нет, но есть кислород
И вода, благодаря чему существует народ,
Говорящий «да» чаще, чем «нет», да,
Практически всегда.

Мужчина, которому пионэры отдают свою честь,
Имеет такое лицо, как будто не знает, где ему сесть.
Да и кто же его посадит, он же памятник,
Из гранита вырезан весь,
Включая глаза, в которых вопрос: «А есть
Ли жизнь на Марсе?» Пионэры уверены, что есть.

В шахтерскую форму одет,
Приходит Николай Александрович, мой дед.
Бабушка разогревает обед,
А дед на секунду задумывается:
А есть ли жизнь на Марсе? Или ее там нет?

Во избежание очередных брачных колец
В заполярье свинтил мой отец.
И до жизни на Марсе, как и на любой из планет,
Среди оленей и вертолетов отцу дела нет.

Но Союз – это вам не только хохлома, Колыма
И пшеница, которой полны закрома,
Но и колоссальная сила ума.
И она заявляет, что жизни на Марсе нема.

Мысли при низком атмосферном давлении

Мой город состоит из серых многоэтажек,
Пустынных площадей и завода «Серп и Молот».
Покрыт слоем снега толщиной в сажень.
Старый город, который никогда не был молод.

В небе облака, как стаи цеппелинов,
Подставляют бока вражьи радиоволнам.
Сегодня я истукан, слепленный из глины,
Без дыхания жизни, без свободной воли.

Опустите мне веки, прискучили эти ландшафты.
Льдом покрытые реки, трамваи, что едут в депо.
Ветер гнет человека, срывает с них шапки и шарфы.
Двигутся к центру планеты все поезда метро.

Узнал, что я крокодил по гороскопу майя.
Мог бы стать классным шаманом и заклинать погоду.
Еще не поздно учиться. Но что-то меня ломает
Искать мухоморы и бубен, и делать вообще что угодно.

Мумификационное (погребенный вместе с фараонами)

в египетской книге мертвых я прочитал главу
про мумию-уркагана и его мумифицированную братву,
как они в покоях, отделанных мрамором и алебастром,
ели мясо гиппопотама, крокодила и всякое прочее мясо

трапеза происходила на животе (мумифицированной) одалиски.
перечница располагалась непозволительно близко
к ее золотым воротам, но братве это не было видно
ведь их глаза съели фаланги, как я поедаю повидло.

и вот перец просыпался. Мумии продолжали жевать.
Одалиска вскочила с криком «О великий отец и великая мать!
о великие боги Тот, Сет, Осирис и Гор!
Неужели вы не видели, куда эти фараеры ставят прибор?!»

На этом глава заканчивается. Мы не знаем, каков был ответ.
потому что та трапеза длилась пять тысяч лет.
Потому что каждое движение челюстей
продолжалось столько, сколько слоны вынашивают детей.

Мы воздвигли великие царства, и время их сделало тленом
за период, пока одалиска сгибала колено.
Теночтитлан вознесся и пал, боги сожгли Чечен-Итцу
за период, пока уркаган макал мясо в горчицу.

События в мире мумий разворачиваются медленнее, чем песок
срастается в камни, для мумии вечность – не срок.
может быть, наши правнуки, вернувшиеся с планет
созвездия Волосы Вероники, узнают ответ.

КАТЕРИНА КЮНЕ

Молитва

я полная дура, Господи, я полная дура
как мне жить с этим, как мне жить с этим?
пошли мне ангела с фонариком в глубоком кармане
пусть развеет мой мрак, пусть осветит...

на миг я увижу все как есть, Господи, все увижу
но у меня же ужасная память, ужасная память
я все увидела, все поняла, но вот он взмахнул крылами
и остались одни только дыры, словно мыши погрызли зубами

я полная дура, Господи, я полная дура
пошли мне еще одного ангела с аппаратом
пока первый ангел светит, пусть второй заснимет на пленку
и подарит снимок, буду хранить, от чужих буду прятать

я увижу все как есть, Господи, я все увижу
но ты же знаешь, какая я недотепа, какая я недотепа
выроню по пути, пролью первый попавшийся кофе
десять минут – и снимок негоден, снимок в клочья истрепан

как мне жить с этим, как мне жить с этим?
пошли мне третьего ангела, пусть он носит снимок в кармане
пусть всегда ходит рядом и вынимает фото, когда попрошу
только если всегда со мной скажи как представить маме

ведь она сразу спросит, что это за мужик с крылами
а если мама взялась за дело, значит дело к свадьбе, но вначале
стандартная процедура:
сколько лет? где работаете? и не пора ли вам пожениться?
а я ведь полная дура, Господи, я полная дура...

Семейная биография

Моя мама строит гнездо: в постоянной погоне
За лучшим, ее руки то готовят, то шьют,
Растят картофель на грядках, протирают листья бегоний.
Все это она называет «домашний уют».

Мой папа не любит «жить кому-то в угоду».
Он хозяин. От его крика микроразломы в стекле.
Он смотрит новости, читает газеты, ведет наблюдения за погодой.
А впрочем, он тоже любит покопаться в земле.

Сестра очень много работает, потом весь вечер глядит в телевизор.
Учитель музыки. Медитирует. Верит в Бога. И тоже шьет.
Когда-нибудь выйдет замуж, но день этот явно не близок.
А главное, ее и палкой не выгонишь в огород.

Я иногда приезжаю к ним в отпуск, обычно летом.
Хожу по земле босиком, припадаю коленями, валяюсь в траве.
Для меня земля – живой организм, я ею сильна и согрета,
Потому регулярно (примерно раз в год) я приобщаюсь к земле...

* * *

небо поит из лужи своих голубят
жирное солнце уводит столбик в распухший плюс
рядом с тобою я лучше самой себя
я ощущаю: вот перья, вот крылья, вот клюв

я тоже могу сидеть на высокой трубе
заполотно взлетать, солидно курлыкать про уг
могу рассчитывать даже на корм с небес
а еще говорят, что птицы – они поют...

я даже могу вести голубиный бой
с воронами тучными черными – мне легко
клювы прицельно в сердце, но рядом с тобой
птичья кровь превращается в птичье молоко

...небо кормит из лужи своих голубят
жирное солнце уводит столбик в распухший плюс
рядом с тобой я лучше самой себя
я ощущаю: да. я живу. я не сплю...

как небеса узнают своих голубят?
вот собрались: делят небо, молчат и ждут
я подхожу, нахохлившись, имя шепчу про себя
смотрят. кивают. протягивают лоскут...

АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА

* * *

Это раньше мы любили говорить
А январь весь прожили в тишине
Вплетали в воздух спагетти провода спутанный серпантин

Тогда здесь можно было жить
Кривых снеговиков лепить
На набережной лед и магазин
И старое кино в Иллюзионе.

На подоконнике сидели мандарин и деревянная птица
Мандарин со временем высох стал твердым
Им можно было стучать а птица
Птица смотрела в окно повернувшись спиной
Ее голова специально для этого предназначалась.

Тогда здесь можно было жить
Кривых снеговиков лепить
На набережной лед и магазин
И старое кино в Иллюзионе.

Все десять дней каникул
шайба настольного хоккея изображала мороз за окном,
и в Иностранке ждал Рамю, которого не выдавали на дом.
Друзьям прилично было подавать напитки
в кастрюлях, ковшиках и мисках, а однажды
на кухне ночевал компот, с оборванной наклейкой в трехлитровой банке.
Троллейбусы скрипели парусами,
и голых женщин на рекламах отмерзали части.

Тогда здесь можно было жить
Кривых снеговиков лепить
На набережной лед и магазин
И старое кино в Иллюзионе.

лица из фотографий разве это прошлое
вот мы и наши друзья уже не таковы не совсем таковы
спагетти вползают в стоптанное бытовое помещение
серпантин кто вообще еще использует это слово
и мы начинаем говорить то есть вспоминать
да нет же послушайте мы говорим говорим горим говорим

Тогда здесь можно было жить
Кривых снеговиков лепить
На набережной лед и магазин
И старое кино в Иллюзионе.

* * *

Мне не вместить всего дождя.
На ржавом дне консервной банки
Скопились капли. Рыбок разведу
На подоконнике.
На празднике зимы
Одна умрет, другая будет жить,
И принимать и корм и кислород
Из добрых рук соседей и подруг.
И выпадать из банки, и опять
Все начинать с начала, и грустить,
Покусывая черенок листа.
И через год все так же весела.
И через два румяней и белей.
Летит байдарка, взмах ее весла
Как стрелка точен и еще точней.

И солнце отражается во мне.
И солнце отражается во мгле.
Осенних рек прозрачные деревья
И зимних рек пустые берега
Уходят, параллельные друг другу,
Не замыкая никакого круга.

* * *

Северянин приходит утром.
Приходит, стучится в окно и говорит:
– Я принес рыбу. Два судака и подлещики. Только что наловил.
Готов на каждом из них поставить автограф.
Приходится брать,
И глаза Северянина совершенно прозрачны.
Уходя, шлепая по саду мокрыми калошами,
Задевая удочкой за вишневые ветки,
Северянин не воображает себя Тригориним,
И Нина не мерещится ему на берегу пруда.

* * *

Если жилет не надуется,
Маска не выскочит,
Клапан не оторвется,
Что ты запомнишь, глядя в его винтовые сердца –
Palac kultury, вокруг которого облако вьется,
Облако крутится на острие дворца.
Чеки, наколотые на металлический стержень,
Легкие раны, прищепочные следы, и вот –
Господи, как хорошо, нас ничего не держит,
И мы говорим друг с другом, как могут себе позволить
Разговаривать разве что океаны
Земных и воздушных вод.

* * *

Что будет через десять лет
Дети, смотрите, янтарь на берегу!
Лови его, хватай,
Хитрый янтарь.
Что будет через десять лет
Нет не пытайся вспомнить смотри вперед
Угадывай, говори
Что там внутри.

Но к сожалению доступ не разрешен
Неавторизованный пользователь запрашивает пароль Caps lock нажат
Божьи коровки и бензиновые жуки
Береговую линию сторожат.

* * *

Когда живешь, становится много вещей.
Вещи для кухни, для ванной, для комнаты, для коридора.
Зонтик, шляпа, ненужные сапоги, вешалки, ну и ладно,
вешалки и ложка для обуви пусть остаются здесь.
Все это обнаруживается, только когда переезжаешь.
Вы когда-нибудь переезжали вообще?
Спускались по лестнице с аквариумом в одной и с лампой в другой
руке?

Все это обнаруживается, только когда давно переехал.
Из головы не выходят чашки: чашка с картиной,
привезенная с предосторожностями из Гданьска,
с лосем – подарок из Швеции (такая же есть у одного сотрудника на
работе),
ну и главное – желтая, с Муми-мамой и Муми-папой,
соседка тебя хотела – так не достанься же ты никому.

Все переходит с тобой, нельзя ничего оставить.
Можешь оставить вещи – не можешь оставить память.
Можешь оставить память, не можешь оставить вещи.
Чашки где-то стоят и гадают, кто их помоеет,
Перебирают крупинки засохшей кофейной гущи.
В комнате давно уже новые гости.
Комната смотрит на это гораздо проще.

АЛЕКСАНДР МАНИЧЕНКО

то самое лето, 96-й год

1.
травы зацветают: чертополох
лопух ромашка вереск осот
пустырь за домом напротив а дальше лес
пустырь за нашим домом над которым закат закат
на полпути к горизонту недостроенные дома
парой взглядов дальше рекарекарека
закат вышибает каждого из его ума
зацветают травы их не осмеливается рука
2.
это будет жар это будет зной
это вдоль дороги поднимает пыль
на балконе было бы хорошо курить
только я еще не курил
пацаны во дворе зовут гулять

я до сих пор не умею играть в футбол
3.
саша и маша были тогда брат и сестра
правда гуляли вместе в полях боялись держаться за руки
(так хотелось боже мой как хотелось)
собирали тысячелистник ловили жуков и бабочек
ходили по оврагу думая что это высохшая река
собирали глину лепили из нее такой красной теплой

давно это было на закате вечером летом

* * *

у моего садовника красивые руки большие травы голубые розы
за его спиной вырастают деревья как драконьи зубы
живые изгороди
чертополох отдал колючки другим ромашкам

в его саду настоящее лето тропические птицы райские звери
вечером цикады кузнечики богомолы восхваляют его как умеют
а искусители неприглядные гады мелкие твари?

веселые ящерицы цветные змеи а вот они

* * *

парад парад
на улицах моего города Марди-Гра
в этой толпе потерялись и я не могу их найти
оля и катя где вы я беспокоюсь
парад парад
в темноте огни фейерверки факелы и глаза
все горит

они поют и несут мои раскаленные внутренности
они поют и несут все чего я боюсь
все чего я хочу
они поют и несут мое сердце
тысячи чертей ксеня да как ты любишь

как я любила

АДЕЛЬ ЦИФЕРБЛАТ

* * *

Я тебя
ни о чем не просила.

Я тебя
о таком не просила.

Забирай снега свои
и птиц своих забирай,

умирай в снегах своих,

я не буду просить за них,
за тяжелых птиц –
тяжелее движение век
вверх –
тяжелее их черных крыл,
находи, кто тебя просил,
забирай у него снега
и всех птиц его забирай,
и держи.

* * *

Сколько можно разговаривать с солнышком?
В горле ком.
Не знаешь толком,
Что там, под потолком.

Дом на сваях – ласточкино гнездо.
Лучше не вспоминать, что было до.

Сколько можно воду в руках нести?
Где-то до шести
Дней,
Как не станет огней.

Сколько можно разговаривать с солнышком?
В кружке ром.
Завоешь волком,

От слова «пес» – псалом.

* * *

Всей дороги – длина клинка,
Тяжело разбежаться.
Аллегория танца:
Циркачи на незримых канатах. Шут с головой в руках.

Территория цирка:
Неподвижный безмолвный мим

С оторвавшейся биркой.
И на чем мы еще стоим?

Всей дороги – длина клинка,
Тяжело удержаться,
Тяжело не разбиться.
Циркачи на дрожащих канатах – пестрые птицы.

В зале ахает зритель,
Купол темен и недвижим.
Посмотри – мы с тобой стоим
На натянутых нитях.

АЛЕКСАНДРА КИСЕЛЕВА

* * *

дедушке Виктору

На китайской гравюре лежит листок
Жилист и сух
Я думаю, время, как пожар,
Или как огненный дух

И мы скучаем, любим и ждем
А оно бродит там, вдали
И притронуться хочет страстной рукой
И сжигает богатства свои

* * *

Вот безначальный, прекрасный,
Павший всем в пустоту
Вот одичалый цветок,
Он растет на горе.
Если прищуриться,
Сколько места в саду
Я не умру,
Нет
Если прищуриться, то в ушах
Бессильный,
Яблочный свет
Если прищуриться,
То на руках
Кожа
Умирающая
За несколько лет

* * *

Улыбайся и знай:
Улыбка уже умерла.
Щурь чтоб мигал неба простой мотылек.
Самое важное в мире –
Под боком,
Оно и болит.
Мышиный горошек,
Заумная дудочка,
Жмет ремешок.

* * *

Лето
Задыхается, как змея
По дороге бежит быстроногий песок
Так все должно умирать
Разговоры с подножьем
Испив сок
Цветок отравляется и
Преломляет себя

ДЕНИС ЛАРИОНОВ

Триллер

На дне одной из гипсовых фиксаций прострелена дыра.
И что там?
Полчище черники под кинолентку заползло.

Насквозь? Навырост.
Кинолентку? Да. Поцелкивая по углам: *раздавленные на сегменты
выдаем секреты.*

* * *

Жизнь скользких тел американских
В пустыне, нет, в снегу, нет, воз-
Врат, перемотай. в пустыне:

Пить сок песка, нет,
Пить песочный сок.

Светло до гипса, нет, до пусто,
До обнажения приема:

Здесь будет операция на сердце.

* * *

Слоеная ткань фатерлянда,
самокритика без вытеснения.

Сюжет сжимается как слизистая
жертва в нежной извести контекста.

Теперь здесь агрессивная среда, где

а) осколки роз, подрезанные взрывом климата;

б) опыт тока.

Оптика немеет.

Трое на берегу травмы.

Действующие лица
(фрагменты)

было десять когда
слова лишили терпеть

минус звук и
подземка не подавись вопреки

шипящие непрожевав
в ситуации пограничной

зрители новых возможностей
подгрызают картину, неочевидную для

* * *

и сказал он
white heat

насекомый восторг
до культуры

дном горла
над ней оголен

разделенная речь
в горсти секса

ОЛЬГА БЕС

* * *

И я была в упряжке святой троицы
Но расплелась коса, все в новом роятся.
И поплелись как лебедь рак и щука
Все трое сцеживая «сука»
Не оборачиваясь, адресуя.

Тебе, упоминающейся всуе
Тебе, слушающей всерьез
Зеленые сердца берез

Тебе, стружкой, тонкой как волокно
Дарюсь, чтоб не свалиться в то окно
Нуля. А тебе снится, выпадают зубы,
Просыпаешься со скопившимися слезами
Я обещаю тебе не выпасть.
Я, как уже оказалось, клык.

* * *

Теряя зрение, я вижу
В красной помаде губы
До боли
Вытягивающиеся в веревку
Но продолжающие улыбку
По ним скоро выход канатоходца
Как по красной ковровой кровавой неровной
И серый туман кисельно как может
Скрывает в себе их, но самому страшно
Все наспех и неосторожно окрашено
Все надо надкусывать, черное, белое, особенно среднее.
Кто в изолятор, а я предпочла потерять на них зрение.

* * *

Так хочется не помнить ничего плохого
Память подводит тем, что никогда не подводит,
Свет погасил себя, и темнота стала серо-коричневой,
Пятна рассредоточились по комнате
Стихи на костылях подстрочья двуречья
Книга раскрыта, лежит белой астрой
Все о тебе,
Широкоформатное короткометражное счастье

* * *

В погоне за зайцами помни: зайцы могут тебя поймать.
Как только заметили – ты уже их ломоть.
А значит – переломать. Перемолоть. Сглодать.
Потому что сами устали до тебя и с тобой – голодать.
Ты превращаешься в неттебя, а голодные злые превращаются в сытых
злых.
Вот так ты узнаешь не понаслышке, где и какой глубины поддых.

АНАСТАСИЯ СТРОКИНА

* * *

Где мои летние панталетки?
Я хочу играть в бадминтон,
замирать в прыжке,
хочу бежать налегке
без цели, ни к кому,
ни от кого – просто так:
бесплотный звук,
звон:
тин-тон –
по всей земле,
быть подобной пчеле,
солнечной теплой пчеле,
и все бы да, но пустяк:
где мои летние панталетки –
на облаке?
Под землей?
В воде?
Где мои...
Где моя...
Где?

* * *

«Моя голова как планета:
На макушке – северный полюс,
Земля Франца-Иосифа,
На подбородке – южный,
Пингвины идут рядами,
Дышат друг другу в спины.
В моей голове сотни рек:
Вот по Янцзы плывут рыбаки,
Вот Оранжевая тянется к югу,
Вот из холодных морских вод
Рыба-луна показывает плавник,

Вот едет автобус в моей голове
Из одного города – в другой,
Не важно, какой,
В любой город,
Каждый город –
Сотни тысяч их в моей голове.
Я стою – и путаются тропинки,
Улицы, дороги, шоссе.
Но я знаю точно, куда мне надо идти:
Я проснулся с этим знанием птицы,
Всегда прилетающей на то же место».

* * *

Когда узнаешь, что вечно молодая
Первая учительница постарела,
Что бессменный классный руководитель умер,
Когда друзья присылают фото:
Сначала просто свои,
Потом свои свадебные,
Потом своих подросших детей,
Значит, время прошло.
Прошло время, которое назовут
Именем такого-то поколения –
Твоего поколения.
Думаю.
Сначала – грустно,
Потом – безразлично,
Потом говорю себе:
На кой мне все это?
Стремление к любви – вот главное.
Жениться,
Рожать детей,
Стареть,
Умирать
За меня будет время.

АЛЕКСАНДР КУРИЦЫН

* * *

Она из окна
Не торопит события
Время от времени звоня
Я из окна смотрю смотря
Не-в-себя курю
Лимон кусаю волокнами его скрипя
Морщусь но терплю
Лежу
Жду эффекта от терафлю
Но не звоню. не звоню
Но хочу.
Эффект будет наутро
Мы сядем заподлицо.
И окажется что чтобы написать «интересный» текст
Нужно его три раза переписать
Мысль обобщая

* * *

я себе тебя
плохо
и даже совсем нет
но теперь я старше
чуть
и перестал болтаться в пространстве
но это не фактор
точнее не следствие
и его не будет до тех пор
пока один ношу красное
и на один делю
пока собираюсь Гваттари осилить
пока не представлю тебе себя
пока нерепрезентативно

* * *

Мальчик эмо фотографирует церковь
ему приспичило
он на нее нацелен
своим фотоаппаратом
она выбивается из его звукоряда
своей культовой архитектурой
своим порталом
у него такого ни с кем не было
это невский двухтысячные
набережная канала

* * *

Линор Горалик
Линор Горалик
Линор Горалик
Никогда не прочтет этого стихотворения
Потому что его нет в КЭШе Yandex'a
Любопытство – мой любимый грех
Валерий Нугатов
Валерий Нугатов
Валерий Нугатов
Никогда не прочтет этого стихотворения
Потому что его нет в КЭШе Yandex'a
Имяславие – мой любимый грех
Лев Рубинштейн
Лев Рубинштейн
Лев Рубинштейн
Никогда не прочтет этого стихотворения
Потому что его нет в КЭШе Yandex'a
Тщеславие – мой любимый грех
Продолжать этот список можно много – Сваровский, Афанасьева,
Емелин, Сен-Сеньков,
Вопрос лишь в том
Кто там еще из этих следит за собой?

* * *

Купил себе половник, потому что переехал на новую квартиру
Шел с ним, а в половнике отражался мир
только перевернутый
Основная мысль этого стихотворения – мое высокое детское сознание.

ИННА ЗАЙКИНА

* * *

кажется, скоро все разорвется, лопнет, и волной ударит, плеснет за борт. и мне не хватит букв ли, звенящих нот ли, чтобы удержать тебя в хилой лодке от этой темной темени под тобой. и мне не хватит теплых моих лопаток, загоревших плеч и усталых ног, этих нагретых солнцем коротких патлов, этих вот камней, от воды покатых, чтобы спасти все то, что идет на дно. мне не хватит губ ли, босых ладоней, чаек, альбатросов и звезд морских, чтоб тебя достать из твоих бездний, чтоб не потерять тебя под водою, чтоб самой не сдохнуть здесь от тоски. в этом чебуречьем текучем рае, в полотенцах, зонтиках и кругах, если ты не убит, то хотя бы ранен. ну а я немножечко умираю и тону от судороги в ногах.

лучше (если все разорвется, лопнет, с ног сшибет, повалит, устроит бунт) я тебя поцелую в усталый лоб твой. в эпицентр всех твоих гроз и бурь.
и, смеясь, слегка прикушу губу.

* * *

барабанной дробью, негнушимися коленями, ранней, зарождающейся листвой, душа бежит нестреноженными оленями и небо смеется, видя тебя насквозь. и волосы, подсвеченные закатами, радостно трепыхаются на ветру, и эти вот предплечья слегка покатые отливают медью горячих труб. и летне-летне пахнет в усталом поезде, и солнце кувыркается над водой. и я живу в каком-то безумном поиске, в радости, насыпанной на ладонь. и нежность наполняет – как лист признанием – брызжет из-под выгоревших ресниц. и солнце бьется алым слепящим знаменем, на, попробуй воду в него плесни. и мир сужается до улыбки твоей сияющей, загорелых, рвущихся облаков. а по спине проползает палящим ящером солнце, целуя каждый из позвонков.
и знаешь, эта радость моя щемящая, и нежность без оттенков ненужной лжи, это вот безумное настоящее, осенью будут спать в неудобных ящиках, чтобы летом выбраться и ожить.

* * *

мне говорят: да ты уже подросла, достаетшь головой плечо, можно даже серьезно поговорить. вот он – мир, исчерчен и испещрен, он еще неизучен и некрещен. влейся в ритм.

мне говорят: этот мир не любит чучел и чудаков, к чужакам не мил. он ленив, устало лежит в ночи. так что не хлопай веками и дверьми. возьми его за руку или приобними. и молчи.

мне говорят: вот вилка, вот нож, ты возьми в ладонь. ой, смотри, смотри на нее – берет. ты облита соком березовым и водой, в лоб целована и отхлестана резедой на сто лет вперед.

мне говорят: открой-ка пошире рот и скажи привет. и скажи подай. вот тебе в руку ручка. да, каламбур. ты пиши, круши, смейся и рыдай. живи, пока вода не разрушит дамб, пока хватит букв.

мне говорят: вот небо, а вот земля, сможешь отличить? ставь туда, на землю, свою стопу. вот он город, дом, ты живи, учись. без препятствий, кручей или кручин. вот он путь.

и мне говорят: поняла? так вот – это чушь, на нее забей. вот смотри теперь на север, запад, восток и юг. видишь – это мир, весь его тебе, с любовью, неудачами, с кучей бед, я тебе дарю.

АРТЕМ ФИЛАТОФ

* * *

нижегородская школа жизни
беспорядочные половые связи
дорога на Москву
автострада в ад

в общем
одностороннее движение
к славе и пеплу

говорят
если пойти назад
(выбраться с дороги нельзя
по бокам лес
охраняемый русскими медведями
чья химерическая сущность
страшнее всех семи смертных грехов
взятых вместе)

так вот если пойти назад
то тоже можно попасть в Москву
Москву горную и хрустальную
с царевнами в прозрачных гробах
и святыми в казенных домах

к сожалению
пока оттуда никто не возвращался
(может просто потому
что никто никогда туда не уходил)
так что теперь
двигаясь по узкой
теряющейся в темноте мировой ночи
белой полоске
в обратную сторону
я чувствую себя если не идиотом

то
во всяком случае
каким-то странным Колумбом
наивным первооткрывателем
собственных фантазий

вот кстати
еще одна

представьте себе
завалившуюся набок
тысячелетнюю баню
на краю болота

горит корявая лучина
и только хрусткие щелчки резонируют
в бычьих пузырях окон

это дьявол
древний графоман и плагиатор
пытается переписать Книгу Жизни
на измочаленном ундервуде
людской природы

жирным покрашенным ногтем
бьет он по клавишам
но тщетно

перечитывает
и не узнает написанного
правит
и не видит исправленного

а все потому что я
[Здесь рукопись, найденная в огромной яме, похожей на отпечаток
гигантской запятой, обрывается. Следов автора не обнаружено.
Ведется следствие. Дорога на Москву временно перекрыта]

* * *

ярость не даст тебе ничего

только крики разбудят соседей
молодую пару
уставшую за день
до немоты и беспамятства

он нахмурится
и останется лежать
потягиваясь

она
резко встанет
пролетит
4 испуганных шага
до кровати в углу

но младенец
будет спать
тих и прозрачен

* * *

никогда не говори этого вслух
лучше напиши
зашифруй за семью печатями
тайнописи и иносказаний

будет шанс
что когда-нибудь
последний читатель на земле
спрятавшись в пыльном подвале
при свете одинокой свечи
оторвется от твоей книги
и произнесет в окружающую темноту

я был прав

а в следующее мгновение
погасит огонь
услышав звериный рык
и звон разбиваемого стекла наверху

* * *

через тысячу лет
мы встретимся с тобой
на большой-пребольшой пресс-конференции

там не будут задавать вопросов
только плакать и обниматься
плакать и обниматься

и только мы не будем ни с кем обниматься
и даже плакать
не будем

а потом я выйду
к самой высокой трибуне
в самом центре зала
и в совершенной тишине
последнего дня
скажу прости

только чтобы понять
что и этого мало

* * *

тот кто не умер зимой 41-го
умрет зимой 42-го

об остальном
и писать не стоит

МАЙЯ РУЦКАЯ

* * *

Однажды я видела –
в зоопарке ходят олени и львы...
но почему-то созвездиями они не кажутся.
и почему средь зеленой и сочной травы
если стог сена помыслить,
то только уважаемым шкафом
окажется.
можно пройти по оси, по росе, по
канату, на краешек света,
Можно свалиться с крыши
ослепнуть
Гомером прикинуться можно
и описать от лягушки до мыши
всю ту войну...
осторожно!

не упади, просыпайся!

* * *

у весны глаза
серые-серые
как та старая фотография,
глядя
на которую
я могу сказать
«ты»...

АЛЛА ЗИНЕВИЧ

Павел (Радомышль)

Наталии Черных

Гражданка римская, как апостол Павел –
в городке семь холмов, может, восемь, а может, девять,
как Муз, как планет, как всегда у Данте,
как он за нее служил, и при жизни ангела,
за Рахиль – Иаков, но обрел лишь внутренне,
во снах, в стихах, как мне является Радомышль,
город детства, твой предтеча, черная речка Тетерев.

В любви до шестнадцати лет я вела себя Савлом –
смеялась над поцелуями, бросала в парочки эпиграммами,
и за это Бог меня наказал – я не увижу Радомышль,
пока мы не вступим с тобою в брак.

Или это награда?

Как быть может такое, отчего я думаю так?

Город белый, невеста, лилея, яблоня,
словно целительный покров Богоматери,
надо мною крона акации,
мостовая под стоптанными ногами.
Я шла в Дамаск во сне, я спала на железной кровати,
пришла наяву, вернулась полуслепая,
снова зеркало, восемь месяцев со знакомства,
разум узнал то, что знало сердце.

Четыре стороны света, четыре евангелиста,
там зеленые, здесь кровавые листья,
в зеркало падаю, встаю, как апостол Павел,
три дня, восемь месяцев, семилетье,
а ты города моего не видел.

Шестое чувство, пятилистник клевера
я нашла, загадав на тебя со мною,
черная речка Тетерев, кристальный ручей Эвноя,

мы будем пить из чаши единой с тобою,
как на свадьбе средневековой.

Неровные строфы, холмов каменистых ритмы,
кардиограмма двухтысячных Украины,
вот откуда моя рифмовка,
мерцающая и тающая,
медом сосновым текущая тропка,
лестница в небо.

Писала экспромтом, решила – семь строф нам,
по строфе на ноту, на цвет радуги, на разлуку
с городом детства, с твоей незрелой любовью,
несозревшей любовью, малиной в проданном огороде,
по строфе на холм, я верю, она проснется,
и блудный сын в белеющий дом вернется,
и в земной, и в заоблачный дом вернемся,
ты прозреешь и вскоре увидишь... город.

24 сентября 2008

Criminel

В память ночного возвращения с тобой с деловой встречи

Шляться ночью в райончике злом, бандитском,
словно я девка, в кармане финка,
у тебя почата бутылка пива,
платформа не найдена – навзничь тебя на насыпь,
руки в кудри да целоваться,

чтоб казаться себе разбитной, блатной,
пить из горла, в обнимку шансон горланить,
воровскую с тобою крутить любовь
– наконец-то – в снегах у насыпи!

Под мостом теряться в темное время суток –
ты боишься, нас примут за проституток,
изнасилуют и убьют – обоих, за женственность, юность, нежность,
но у меня такая к тебе любовь,

что ей не страшен и Страшный Суд,
и мартовская полночь у Боровой.

Говорю, защищу от кулака, от ножа –
нервная ирония в зрачках продолжает дрожать,
и губы – Иосиф! – блеском зеркально-влажным:
над Лиговкой, на голову выше меня –
сверхновая Вифлеемская звезда!
Ночь – нирвана.

Кровью, нутром прошу, зубы стиснув, зрачками прошу:
прислонись же, прижмись ко мне,
под руку – скользко! – меня возьми,
мне не страшно, мне хорошо,
ловить машину, сталинские дома
или заводы, весна или зима,
ночь, март, и что-то во мне хищное и кошачье.

Та, кто вселилась в меня, веселилась в меня,
она бы пила, она бы целовала тебя,
у нее ножи за пазухой и в глазах,
это то, что сильнее и глубже меня,
это луна и март, стены серые, белый снег,
зрачков твоих путеводное небо.

И если кто не знает силу своей любви,
если кто не верит своей любви,
то пусть идет платформу искать
на Лиговке, в час, когда с небом спят
заброшенные заводы, здания непонятные,

там кровь молодеет, тело поет как рельсы,
там живет во мне расстрелянная в 20-х девка,
там я от речи твоей воскресла,
и стала, как есть, как буду, как прежде –
в ночных снегах твоя заступница-Герда,
Катрин де Монсальви с солнцем в сердце.

Март 2009

СТЕПАН БРАНД

* * *

Из автобуса Вологда – Липин Бор
видно, как в небе чистят картошку,
топят печи, сушат серые сухари.
Или колют дрова: покосившийся двор
станет местом, куда бородатые клинья
спустятся с облака. Сонная дверь-дворняга
будет злиться, но те – да утащат ложку
и взлетят на сарай смеяться, черные звонари,
расстриги лохматые, побитые еретики. Свины,
перестав жевать и уши развесив, как дети, из-под коряги
будут слушать старухин скрюченный мат и как полетит
в дебоширов пернатых сподручный ковш-балабол.
А они бросят кражу на крышу, мгновенно устав,
всыпят перцу соседу, хлебающему рассол,
и в поле своем черно-белая истина их приютит.
Пугачевцы христовы, потрепанный полууостав...

* * *

На копирке асфальта
бессловесный туман оставил
лишь отпечатки пальцев.
Черные крошки земли
прилетают в Электроугли.
Товарный вдали растаял,
как строчка в больничной выписке,
замедленный шаг морозный.
С шелестящим эхо холщовые люди летают.
Как в фиолетовом Витебске,
в темно-зеленом Лиозно.

СВЕТА СДВИГ

seasons greetings

* * *

на берлинский новый год приятели
купили для меня ящик клементинов с веточкой
раньше все фрукты назывались одинаково
на всех языках прорастали
косточки смысла

* * *

ты как день в который ты родился
как никто раньше ведешь
маленьким пальчиком по списку ингредиентов
usb-шнур от фотоаппарата похож на пуповину
твое ужасное радио говорит
сейчас не время
ну что на это сказать
мы хотим услышать ваше мнение
может мы пили не тот сок не знали что
и этот творог шоколад журнал воздух тоже
от не поддерживаемых нами производителей

* * *

наступает дождь лампа на балконе крыша
говорит дождь как и весь день
где ты была по мягкому ступают ноги
дышат и завтра резиновые сапоги
нельзя спать дорога рычит от неудобной одежды
я отчетливо помню как мы
еще живем друг без друга
под одеялом нет крошек
от меньшей к большей нежности
видимо это в последней главе
после закладки

это что бы я говорила в других странах
то что говорили мои бывшие любовники
если писать в одну строку текст исчезает за границей слева
я учусь что текст должен быть понятен

* * *

по радио уклончиво говорят осадки
утро сменяет январский день
километры глазированного снега
по всей земле по всей
или везде где я сегодня была
менеджеры кабаков уютных кафе забегаловок
стягивают дождь с труб перерезают шерстяные нитки
в мусорные пакеты укладывают шары
и подземная официантка водит по одному
охранников бармена гардеробщика
лысого охранника официантов другого зала
ужинать или просто кормить за смену
одного за другим за свой стол и рядом
seasons greetings дребезжит неон на время гаснет
говорит немного с каждым
интересно как ее дела после праздников
и где мой яблочный штрудель

* * *

диорама полукруглого зала в бликах
люди моего возраста мужчины
несколько старше и несколько
моложе входных 21-го девочек
популярное кино
решающая битва и перелом шире ноздри
это новый воздух твоя война
битлз на 300 человек
ты кладешь на глаза чужие руки
лучи на пальцах и плащ из дыма
пленка плавится и кино выливается

в общественный транспорт доброту
разговоров и всеобщего эх да ладно
и этого хватает еще на одну ночь

* * *

столько всего в порядке
внутри со всем невозможно справиться
девочки с голубым шаром решают
была бы одна прямая ветка
принимаем всех так же но сегодня
совсем по-другому неестественный ребенок
не отвечает на улыбку
как вы поймете
как мы вас проводим
добрее милее приветливей
копна волос в цвет сумки
музыка говорит то что привыкли
слышишь это ты это ты есть
жизнь удивительна
all you need is love

* * *

одноименному частному лицу

самое красивое что я здесь видела
небольшой weihnachtsmarkt в берлине
где старики играли музыку 30-х
на обогреваемой сцене
а остальные в объемной одежде
танцевали как молодые в кино
когда лысый солист объявил
незнакомую мне рождественскую песню
к микрофону осторожно поднялась
седая дама и спела ее
все беззвучно шевелили губами
и я улыбалась качаясь в такт
потом я так же не разобрала слов

если они вообще были у мелодии
которую напевал в душе карстен
я вернулась около шести а он
скорее всего не ложился
еще не работало радио и чайник
и на кухне было слышно только это

ЕЛИЗАВЕТА КАЛИНИНА

* * *

когда из шума
из улитки улицы
заходишь в искусственный свет – ярко

но не следует говорить – когда
следует говорить – что

что следует говорить если затмение?
если я тебя не вижу
не могу видеть
не могу иметь твое мнение

и дети продолжают играть
расстройство головного мозга похоже на экзотическое растение

* * *

твоя жизнь видна у висков и, главное, над
верхней гу... как если бы
выпил эту чашу до дна а в ней
кипяченое молоко, пенка
ей все вспоминается латынь, другие
такие мертвые
языки
как наш

такие нарицательные
собственные имена

*ты не поверишь, там очень холодно
мы выйдем и сразу замерзнем, ей-богу,
замерзнем*

* * *

куст захлебывается
подпрыгивает, бежит
зажигает спички
гремит коленями и берестяными игрушками
в болоте ему ничего не светит не брезжит
он – скулит

нечитаемая буква разговаривает сама с собой:
эти твои использованные бахилы завтрашний хлеб
прочая экономия топонимика
черт лица, рыба моя
в окна выглядывала мхом себя заедала
вынюхивала

а там – ничего
и день и ночь и следы поселенцев
приезжавших – помолчать

* * *

вот тебе обугленная птица на проводах
вот тебе молотильни разверзается пасть
это смерть при-сутствует при родах
вот тебе веточка золотая чтобы не здесь пропасть
вот тебе дым от одного костра до небес
вот тебе квадрат колеса

вот тебе корня имбирного на вес
это белая собака и ее чудеса

...

десны десницы
картавые вырицы
звери твои светлоглазые
сажа
птицы

* * *

пейзаж развертывается как кожа теленка
стрельчатые окна сахарные купола
бабочка и адепт геодезии за плечом
с обрыва в море скатывается река
на дворе солнечно на сковороде горячо

в древние времена здесь был океан
глубоководные рыбы заглядывали в двери
пламенные буквы накладывались на облака
в этих горах тебя нет в тебя не верят
пейзаж развертывается как кожа быка

ИВАН САПКОВ

* * *

он работал электриком
и дворовые дети дразнили ее «электричкой».
ей обидно бывало,
а потом стало даже привычно.

это только так кажется,
что электричество вечно.
оно та же спичка.

«ну, конечно, –
гудели соседки –
вместо роз
он дарил ей розетки,

да и те слишком редко...»

* * *

собака, ранее свернутая в кольцо,
в полукольцо,
вытянутая отрезком,
обнюхивает крыльцо
подъезда.
собака подъест то,
что ей даст,
мальчик со снежком
в руке.
еще не садист,
хотя ходит в детский сад,
что вдалеке.

собака вертит хвостом,
но об этом потом.

* * *

зима,
только снега с мизинец.
темнеет рано.
в магазине – цены,
но что-нибудь,
тем не менее, купишь.

выйдешь на улицу
подумаешь
«как все-таки странно.
зима, но без снега:
природный
такой вот кукиш».

дойдешь до подъезда.
на лифте поднимешься выше.
откроешь
ключом дверь.
закроешь
щеколдой.

зима, но без снега.
чернющая, как пепелище.
и засыпаешь
к подушке
прижавшись щекою.

ЛЕВ ОБОРИН

* * *

Страница учебника, природоведение, пятый класс.
Степь и полупустыня.

Здесь у меня
полупустыня.

Между редких строк свободно ползет гюрза
и песчаная эфа.

Через сотню лет на песке вырастает город.

Неинтересно все, что внутри домов.
Подумаешь, меньше там пустоты, чем могло бы быть.
Когда я иду, я люблю стучать по стене
костьшками пальцев.

* * *

О.В.

сам тебе постелю
дам тебе пастилу
включу тебе телевизор,
без дела стоящий в углу.

утром искать пойдем
гору и водоем
по пути от размытого к резкому
вымокнем под дождем.

даже в мертвый сезон
вывернутый, как зонт
здесь проживает небо
и не исчезает озон.

* * *

– Яркая искорка, ночью возникшая ниоткуда,
ты же всего лишь блик на хрустальной вазе,
белая искорка, ты же всего лишь блик – правда?
И ты, вторая искорка, возникшая ниоткуда.
Что вы смотрите на меня, немигающие вы глазки?
Так не надо, «немигающий» – страшное слово,
Все, что не страшно, должно мигать.

Чего вы хотите? Я по ночам и так
думаю о миллиардах тех, кто мне неизвестен.
За что они все забыты?
За что я не знаю, что было в чудесных лесах нейронов
у этих, которые, может, не только горшки обжигали?

За что вы забыты в своих городах и землях,
когда Википедия и социальные сети?

У моего отца был отец, у того был отец, у того был отец,
у того был отец, у того был отец, у того был отец,
у того был отец, у того был отец, у того был отец –
вот бы на него посмотреть!

– Заплутавший идет через лес, одинаковыми стволами,
несуществующими дорожками, цепким подлеском,
вязкой хвоей. Что это там такое,
видное боковым зрением? Желтый знак,
треугольник с каким-то пустынным текстом. Дальше.
Вдруг выжженная пустота в окружении голых стволов.
Зум. Еще раз. Зум. Приближение. Нет звуковой дорожки.
Треугольник, все, вязкой хвоей, что это там такое,
заплутавший – а это всего лишь память – цепким подлеском,
треугольник, выжженная пустота, одинаковыми стволами,
несуществующими дорожками, нет звуковой дорожки,
выжженная пустота в окружении голых стволов.

* * *

она приходит обнимает в губы
египетские глаза миллион чего-то
покальвающего снаружи
какие-то бусы
не спрашивай сращивай в бесконечную плотность
точка когда гелий назад водород
точка когда все начинается наоборот
наоборотность

ЛЮБОВЬ ЛЯМКИНА

разочарование

1. женское

вставать на час раньше, заниматься йогой
(специальный комплекс для внутренних мышц тренировки),
покупать платья, рекомендованные «Вогом»,
для прогулок с мужчинами по Покровке,
ходить на выставки,
про которые пишет «Афиша»,
чтобы было о чем говорить
с культурным в костюме Мишей,
рисовать губы отточенной красной линией,
кричащей, что уже готова, на третьем свидании пора,
у него раскинуться на шелковой синей,
немного движенья, чуть-чуть поорать,
истечь на простынь липкой лавиной,
издав не очень естественный вой,
и понять, что чувствуешь себя больше любимой,
продельвая то же своей рукой.

2. мужское

пить свежий сок, жать от груди 50,
играть на бирже, зарабатывая на ресторан
и на женщин, выстраивающихся за тобой в ряд,
изображать, что тебе интересно пялиться на годаровский экран,
застегивать рубашку на все, кроме верхних двух,
брать ее за руку, дарить каждый раз цветы,
делать из себя романтика, никогда не снимавшего шляху,
запнуться, вроде бы робко перейти на ты,
убрать квартиру, выложить модные книги на видное место,
пригласить доесть десерт уже у тебя,
замесить ягодиц дрожжевое тесто,
насесть на белеющее в темноте, хрипя,
подумать: кончает или вырывается?
пойти принять душ, обратно одеться,
и подумать, что все это мало отличается
от махинаций с влажным полотенцем.

АННА НОВИЦКАЯ

Бонни и Клайд

Сегодня не в перестрелке друг другу велят: «Ложись...»
Это не взгляды, это серебряные ножи.
Тридцать четвертый. У них впереди вся жизнь,
Которую не прожить.

Они открывают окна, танцуют под «Only you»
(Она еще не написана, но здесь я им напою).
Клайд говорит: «Закончились. Дай докурю твою», –
Бонни ему: «Я тебя люблю».

(Точней, говорят по-английски, но смысл, конечно, тот).
«Я тебя люблю» – литота из всех литот.
У Бонни рыжие косы и ярко покрашен рот.
Клайд так жадно ее берет.

Тридцать четвертый. Май. Впереди года.
Через неделю на их дороге не останется и следа.
Бонни ему: «Я обещаю, что смерть – это не навсегда», –
Клайд ей кивает: «Да».

В этот раз Клайд обнимает Бонни чуть-чуть сильнее
И дверцу «Форда» распахивает перед ней.

Барселона

Ветер становится чуть холоднее.
Это видно даже из-за стекла.
«Ли, послушай, сейчас опять зима –
А тогда было лето, и улица пахла цветами.
Мы тогда мечтали съездить в Барселону –
Все наши знакомые тогда вдруг взяли
И съездили в Барселону.
А у нас не было денег на хороший кофе,

И приходилось пить растворимый.
И это была моя вина,
Я знаю, что моя, я всегда много трачу
И при этом не умею планировать бюджет.
И мы сидели на балконе
И представляли, как перед Собором Святого Семейства
Стоят толпы туристов и фотографируют.
И вдруг какой-нибудь маленький мальчик,
Говоришь ты,
Заплакал, потому что устал,
И мать начала на него ругаться –
Прямо там, в Барселоне перед Собором,
Представляешь?
Да, отвечаю я.
Ли, я уже полтора года
Храню тебе ебаную верность,
И это не считая тех трех, что мы встречались.
Ли, как ты можешь за эти полтора года
Мне ни разу не позвонить?
Как ты можешь делать вид,
Что я могу жить без тебя?»

За тысячу шестьсот километров
Ли закуривает четвертую
И, глядя на падающий снег,
Думает о том, что летом
Все-таки надо наконец побывать в Барселоне.

АНАСТАСИЯ ТРИФОНОВА

Замкнутая поэма

1.
На подоконнике не усидеть, потому что окно
Терзает зрачки необъятным пространством вселенной.
Сжимаешь руками колени, но смотришь отнюдь не вперед –
Сливаются воздух и горизонтом прошитое небо.
Впиваешься взглядом в едва ли заметный дефект.
Был неумелым тот стеклодув без лица.
И дерево рамы давно обновления требует –
По весне снова некогда было покрасить.
Отшелушиваешь сухую, жесткую чешую
Указательным пальцем. И, размышляя,
Разглядываешь растущую черную полынью.
Окна требуют особенного внимания.
Так минут пять в день, не более, позволяешь себе
Быть максимально близко; быть в максимальном страхе
Перед буйством мира, существующего вовне
Комнаты, что скрывает стол, телек, книжный шкаф и диван-кровать.

2.
Поверхность стола, как плоскость, способствует.
Посему на ней, кроме построек из пиал и чашек,
Возлежит пачка бумаги для принтера. Собственно,
Вид не имеет значения. Главное, чтоб было на чем писать.
Карандашница-ежик щетинится Koh-i-noor'ами –
Достались в наследство от родителей-инженеров.
Но руки не то, что у матери – недостаточно твердости.
Предпочитаю скорее ТМ, чем обычные Т.
У настольной лампы треснул плафон,
Не выдержал здешней температуры света.
Вечером воздух в комнате наводнен
Неточными рифмами. Тут и хрустально немудрено треснуть.
Лист с каракулями хищно проглочен столом,
А точнее – одним из его многочисленных ящичков.

Ночью кажется: стол распирает от образов.
Я пространство души прячу в замкнутое пространство.

3.
Выглянуть в серый экран. Пятьдесят четыре
Дюйма по диагонали расскажут значительно больше, чем
Узнаешь, перечитывая журналы или прогуливаясь за хлебом до магазина.
Пятьдесят четыре дюйма наполняют комнату современностью.
Вот сижу и смакую с Билли черно-белый джин.
Выпиваю стакан за стаканом, а приглядевшись немного
Вижу, что Билли упал и уже не дышит.
Ну-ка, парень, подай-ка мне пульт с красной кнопкой.
Я хочу посмотреть хоть одним глазком как река –
Никак не вспомню название, что-то вроде автомобиля, –
Теряет устье. Ее берега поджидает ужасная засуха.
Теперь река перекрыта последней надежной плотиной.
Красная кнопка работает в неустанный режим «next».
Чьи-то руки многозначительно ставят подписи на бумаге мелом.
Присмотревшись к пестреющим пикселям, можно заметить,
Что это – левая и правая, черная и белая, но одного тела.

4.
Каждая полка зубастого книжного шкафа
Скалится на меня то классикой, то беллетристикой.
Если шкаф спорит с балаболом-телеком, комнату разрывает гвалт.
Голову разрывают противоречивые факты и мысли.
О чувствах я умолчу. Вряд ли
Здесь им найдется доказательство или опровержение.
Чувства рискну отнести к разряду
Потусторонних сил. Если смотреть извне – по ту сторону сердца.
Если смотреть изнутри тела, ничего не изменится.
«По ту сторону» – не перестанет существовать.
Кажется, я превращаюсь в словесную мельницу.
Только чувства способны опровергнуть чувства или их доказать.
Книжный шкаф – возможность для поисков истин.
До поры. Вот последняя литера выпита.
Бесконечно себе не позволишь кормиться
Чужими, а потому не всегда беспорными выводами.

5.
Диван возвышается на полметра над полом.
Однако стоит только прилечь – оказываешься в яме.
Это не пролежни от прошлых спин, скорее яма для должников:
Нужно выплатить долг временем, чтобы утром подняться.
Подушки и простыни – способ взглянуть не только на обнаженное эго.
Два подсознания могут вполне ужиться рядом.
Под одеялом – обособленный мир без слов и предметов.
Диван перестает быть односпальным.
Меряем не по площади, а по количеству обитающих тел.
Бессонница больше не в тягость. Это исследовательская работа.
Морфей не ревнив. От утра к утру собирать мозаику портрета
Позволяет взлет. Но ревнива комната.
Инородное тело превращается в топливо. Что-то из области цитологии.
В слове – выше концентрация смысла. В теле – концентрация личности.
Комната сводит тяжелые шторы,
Замыкая стены в стремлении к безграничности.

АНДРЕЙ ПАВЛОВ

Дверь

Вот и приехали –
будем теперь так стоять
вдоль позвоночной границы
в круге предвечного оцепления
теряя сердцевину и начало
в одном уверенные

но стоит приоткрыть
как не находим другого места
и времени иного

здесь останавливаемся

* * *

Послушай, как сердце твое стучит,
перебивается бог весть чем –
хоть к тишине его приучи,
хоть откажись от него совсем.

Послушай, как сердце твое стучит

а помнишь как ты прижимался им к пустоте
вот и привыкло оно на одной воде

так теперь и стоит

Подводные камни прощания

Бывает внезапно,
когда в темнеющих окнах
приближается следующая станция – и уже унесло,
но кто-то еще садится –
ослепительный ветер, крики, мокрая пыль –

секунду спустя на берег
осторожно выбирают наблюдатели
в хитиновых аквалангах:
лица оставшихся.

АЙГУЛЬ САБИТОВА

* * *

А я ищу комнату, где все молчат.
Где вопросы не виснут в воздухе.
Где в коричневом кресле я свернулась шариком,
И кто-то мне улыбается.
Где на полках книги старые,
А на окнах танцует дождь.
Я ищу комнату, где все молчат.

* * *

Убили на небе слона.
Поэтому пасмурно, выбелено.
Его телом поверхность полна.
Шанс любить не бронирован.
Нет места – целого убили слона.

ВАЛЕНТИНА КАНУХИНА

* * *

А у меня есть кожаная курточка и перчаточки в кружевах,
Я не ленюсь больше краситься по утрам, и у меня сто хитростей в
рукавах,
Я с каждым днем, глядя в зеркало, нравлюсь себе все больше,
И новый мальчик теперь остается в гостях все дольше,
И очень скоро останется до утра.
А утром будильник мне скажет – Валка, пора! –
И я уйду к первой паре и оставлю *ему* ключи,
Я поцелую его и скажу: – Нет-нет, лежи и молчи, –
Я буду ехать в метро и опаздывать, как всегда,
В моих закрытых глазах будут плавиться города, гореть поезда,
И это будет тот самый случай, когда плевать на все, и после нас хоть
потоп,
Ведь у меня теперь есть только мой – никого не пуцу – особенный
хронотоп,
В котором раннее утро и теплый мальчик, растрепанная голова...
А я сижу в вагоне, мечтаю об этом, пишу слова,
А только нет ничего, только курточка, шарфик и книжка чужих стихов,
И этот мир опять не готов ко мне. Опять совсем не готов.

22.10.2008

Пиратская Одиссея

Вот чашечка кофе и крекер «Мари»,
И я никуда не иду, смотри,
А впрочем, мне некуда здесь идти –
обратного нет пути.

За домом, который построил Джек,
Где карты морей и разливы рек,
Я плыл на пироге осенним днем
и твердо помню о том.

Меня не искали десятки лет,
В ночи не маячил неверный свет,
И ветер не помню откуда дул,
когда мой корабль тонул.

Веселого Роджера стыл оскал,
Я пил на корме и в каюте спал,
Я плыл по весне и просил весну
вернуть мне мою страну.

Сквозь ветер и горечь, сквозь дождь и ром
Я помнил свой пятиэтажный дом,
Молился и плакал, плясал и пел, –
и все-таки я успел.

08.02.2009

ДЕНИС БЕЗНОСОВ

Метаморфоза

Камень становится голубем, сонно
Крылья растут из боков колокольни.
В небе покрытое плесенью солнце
Стянуто проволокой в треугольник.

Желтой медузой язык входит в глину.
Высунет голову из-под кровати.
Между домов сон отрубленный вклинит,
Ходит по улице вдоль Караваджо.

Выкинуть из головы полушепот.
Гвозди с разбега целуют запястье.
Доктор катается по полу, чтобы
Бились о стенку слова из запаса.

Но за порогом не будет паркета,
Только шкафы в коридоре направо.
Тенью по комнате тянется некто –
Мальчик-еврей превращается в краба.

В том промежутке сознание не нужно.
Тело делимо и следственно кратно.
Белые звезды рисуют окружность,
Пренебрегая локтями квадрата.

Движение

Шрапнель в петлю через воздух – промеж
Губы асфальта куриная слепота
Глухонемота
Ящерицы рта,
Головы на мокрой бахrome.
Между деревьев, слева там

Трын-трава
Пальцы из рукава
С неба помет
Голос – трюмо
На раз-два-три
Мертв – не мертв – мертв.
Тождественность судорога липкая горсть
Удушья, каждое – труп как
Труп – каменные занавески врозь
В переулок по тротуарам трубка
Нитки в поры
Впору; лица – порознь
Пальцы в циферблат – ногтями о череп
В колесе из спины спица
По кругу ползком и через
Клетку списка.
У шума толстые щеки, в шуме тромб
Точка в упругом углу лица
Медленно с кляпом во рту из метро
Улица.

ЕКАТЕРИНА МАЛОВА

* * *

открытая дверь маршрутки пищит
как дверца дорогого холодильника
которую тоже держат открытой
в остальном
маршрутка совершенно не похожа
на дорогой холодильник
в ней нет комфортабельных металлических полок
и специальных ячеек для вина
нажатием одной кнопки
она не насыпает тебе в стакан льда
кубиками или дробленого, по желанию
впрочем, она вообще не может насыпать льда
разве что накапать машинного масла
и то на асфальт
и то если очень попросить.
а я как всегда займу одиночное сиденье
прямо за схемой маршрута
ведь там такая удобная приступочка
для ног
кстати, у дорогого холодильника такой нет
и это, пожалуй, единственное
чем он проигрывает маршрутке.

* * *

когда я вернулась
все еще шли дожди
было холодно

ветер
тушил фонари ранним утром
отправлял из города электрички и рейсовые автобусы
десятками, сотнями

когда я вернулась
почти все вокруг собирались уезжать

когда я вернулась
все еще шли дожди
то морозящие, то проливные

лужи
грозились испортить новые туфли
замшевые, с аккуратными тканевыми розочками
все мысли были только о том,
как их спасти

было больше не о чем думать
когда я вернулась

все еще шли дожди
никто и не замечал

только слышишь
вдалеке
кто-то подтягивает струны
первую
и вторую

ми...
и соль-диез

ми...
и соль-диез

ми...
и соль-диез

не получается.
ну и не надо.

ИВАН КУРБАКОВ

раненые разговаривают

движение плещется

омываемое постоянство

и ты мечешься

и ты метишься

сосредоточенной рукой

но жизнь выхватывает у тебя тебя.

и ты говоришь...

(обеспокоенный всем что ничто)

а ты ли?

о рана незаживающей речи

песнь легких

вчерченные небом в меня отражения

лазурные косточки в центре плодоносящих взглядов

стеклянная хореография захваченная врасплох

лаконичной пустотой предстаешь брат воздух

высота наклоняется из тебя

и загоразживает все вокруг

намагничивай горечь

нечаянно намагничивай эту горечь

рыхлыми знаками проявляется

темперамент температуры

вязы ждут грозových покашливаний

через тридцать сейчас

она делает дерево маленьким

она делает полдень

тем движением в которое я полупогружен

а оно полупогружено в мечту о целостности

абстрактность точит мою кровь

она превращает меня в лабиринт

внутренних самоатак

у прикосновений свой мел

начерченная им мысль полудня

закроется как тюльпан

на мокрый замок асфальта

и падающий приподнимается

становясь подсолнухом

на смерть стоит лежащий

и бережет со страшной силой

всю волшебную улицу что простерла над ним

многочисленные освобождения

тончайшие произведения вечности

целятся в наши головы

ловушка самопровозглашения

первый подтаявший снег

оброс колесницами беззаботных лучей

и боль моего горла

боль горла моего и всея

есть большая весна

лихорадочное причащение светом всея

птица говорит себе я взлетаю

снег говорит себе я растаю

свет говорит себе я светаю

человек говорит себе я не знаю

полдень рождение солнце сомнамбула

воздух ритм свет параллельное наступление

дня и дня и безадресная симпатия вслед

нарцисс: внутреннее отсутствие

О Нарцисс

ты спешился и твой серый конь
медлительно будет ломать мрак и сам станет досками
ты ищешь росу своего двойника
а невеста собрала весь мир в дорогу
ты в тщетном кувшине танца
принял форму страдания
а на плече существо возвращения
любуется идеей висков
и радость загадочными братьями
раскачивается между
зря и зря
и не то и не то
твои брови меж тем
помнят точную цену бессмертия
и настает монумент внимания

чтобы слышать как
бьется сердце
вдребезги *самонепознаваемости*

ЯРОСЛАВА АНАНКО

Рондель

За Анной шла служанка, как беда,
В тяжелом платье, в остром длинном теле.
Пока дорога – яблоки поспели
И вытянулись ветки в провода.

У Анны в шляпе сад и города.
Она идет, наверное, на север.
За Анной шла служанка, как беда,
В тяжелом платье, в остром длинном теле.

Уже вторая выпала вода,
Лицо остыло, руки постарели.
И сад, и города стремились к цели,
Но не пришли к той цели никогда.
За Анной шла служанка, как беда.

* * *

Здесь октябрь.
Желтый дом превращается в Мекку.
Все устали кричать, все глядят на восток.
У холодной печи похудел за ночь пекарь.
Из ветров перемен вытек ливнями ток.

Все устали звонить — молча ждут почтальонов.
В получерных садах только дети растут.
Дворник с бритой щекой разгружает вагоны:
он из пляжных кабин выметает листву.

Словно школьники, сбросили тяжкие ранцы
на скамейку бульвара под острой сосной.
Все устали ходить, все хотят возвращаться
к недочитанным книгам, к любимым, домой.

* * *

1.
Зачем ты здесь? Автобусы прозрачны.
На жарких кухнях кончился Содом.
Мычит весна, моя немая прачка,
Дорогой, трубами, черешнями, водой.

День замолчал и сник хмельным кадетом.
Погасли окна под ночным мешком.
Зачем ты здесь? Карету мне, карету.
Мне невозможно от тебя пешком.

2.
Зеленый цвет. Я умираю молча.
Закрой окно: оттуда голоса.
За каждой девочкой – березовая роща.
За каждым мальчиком – натопленный вокзал.

Они по лавкам разбросают вещи,
отыщут мигом крайнего в толпе.
Зал ожидания полон нервных женщин,
и я к тебе, безвольная, к тебе

не попадаю. Белые деревья
надломлены как три карандаша.
Какая разница, зачем ты запер двери,
когда я слышу твой неровный шаг.

3.
Когда я вижу море, у меня
лицо воды, ты знаешь эти лица.
У здешних чаек злые имена,
их криком очень просто отравиться.

Воск не спасет. Растерян Одиссей.
В песке разбито маковое поле.
Тебе приснились яблоки в росе,
и среди них одно — в грязи и соли.

АНАСТАСИЯ КИРСАНОВА

Мертвые города

*

В мертвых городах пахнет рыбой,
выброшенной на берег приливом.
Раздувая жабры в дыхательных потугах,
рыба умирает, лежа с открытыми глазами.
Когда луна сообщает движение водам,
отлив собирает серебряные тельца,
унося их в червивую реальность илистого дна.

*

Мертвые города
стирают лица людей –
В мире мертвых
никому не нужны
Глаза – из них летят
Обезумевшие
Белые
Птицы,
Падают
В бурю
Густую
Жидкость,
Растопырив крылья, открыв клювы...
Мертвые не могут видеть
страшную смерть самих себя.

*

В мертвых городах
дома без дверей –
скелеты, обугленные
дыханьем кочующего пространства.
Повесить петли в костлявые косяки –

обрести свою душу.
Сквозняки выдувают песни
из горла беспутного поэта –
Жизнь без дверей
заставляет сражаться с ветряными мельницами.

* * *

Бесчувствие
сильными женскими руками
пеленает
маленькое хрупкое тельце:
Человеческий вскормыш
пьет материнские реки
Божественных всхолмий,
глядя как в лодках спускаются ангелы с неба;
крылья обрезав, ложатся
в горячие воды
белого забвения:
 стайка рыбы без чешуи

* * *

Застрявшие в горле птицы
так и трепещут крыльями –
Бьются в шейной воронке, как будто в небе.
Срывая петли голосовых связок,
рожают небо – второго бога
поэта, пытающегося засунуть
обе руки в свой маленький рот,
свернуться в самое себя –
телом достать слово.

А в небе настезь открыты окна.
И божьи очи глядят уныло
Поэту в душу –
 могилу, глубиною в слово.

МАРК КИРДАНЬ

Травинка

Не было ничего, был только вечер, зиял комар,
молился красному лепестку, моей голове.
Страдая, в холодной, открытой тьме –
сидела его душа,
с бокалом искрящей, дымной, желанной крови.

Я топтал, шептал, говорил, плясал, дымком сопел,
в черемуху падал, в бриллиантовую высоту.
Животворящий дол нахмурился, опустел,
оставив безмолвие всех космических светил –
где воют бессмертные, теряющие звезду –
в судороге заплетая багровых огней предел.

Я сочинял оды, гудел, гудел –
пахучей земле и ее золотистой шее.

Мамочка, я жил, и жил безобразно и более того –
я как бы не жил, но радовался вполне –
и радость моя – стрекот кузнечиков, выси сизых лесов –
не от меня;
от меня требуха и морщ.
Или еще – если вспомнить – чайка бежит, бежит –
Опрокинулась чашка над желтой, густой водой –
А вдали, полнясь кожей лихих и смешных, хороших богов –
Пел храм Единого Бога.

я лишь травинка, решившая грустить,
Всполох твоей всевозможной жизни, живого сна,
Даль подбирающих платья небес, небес –
Доброго человека, уставшего от вина.

Сон в больнице

и лошади спускаются по стенкам
пузатой чашки, злясь себе навстречу.
и человек, поджилки напрягая,
отодвигает крылья занавески.

и склянки-всадники расплескивают влагу,
деревья вырастают молодые,
и перистые белые долины,
прижатые к земле на горизонте,
и встреча происходит там, где время
отсутствует и где не нужно смерти,
где яд мгновений, судороги света
и пропасть раздается за плечами,
расплескивая влагу, черепки
вонзаются в отчетливую глину,
трава улыбочлива, насмешливы холмы.
Лишь столкновение – и всадники пропали –
и кто живой остался в этом поле –
идет один, разматывая руки
к нему приставших тонких мертвецов,
их голоса в прогалинках струятся.

и человек чуть кашляет, нахмурен,
«который час» – он спросит у соседа,
и рыцарский пейзаж уходит в стену,
рисунки оставляя на обоях.
и ржавь мечей в ворсинках белой ваты,
больной лежит, больной желает вспомнить,
ту резь ветров, промозглую долину,
тот вечный бой, ворон столпотворенье
и хохот мира
и его причуды,
и чудо распадающихся жизней,
каков ты, мир! Ты смрадный, но хороший!
О, если б жить, ревя от исступленья.

Метаморфозы

у кленовых семечек два крыла.
в них смотреть – там плывет маскарадный лес,
анфилады ос; и безмолвный блеск
спит словно бы купола.

(Золотые капли стоят во мгле) –
слышишь музыку прелой, лесной глуши?
там, где вой и тоска вершин,
паучок смеркается на листке?

Среди радуг, шепчущих «вперед»,
и болот, жалко стонущих «полоса» –
начинался храм; сквозь его глаза –
прорастает клен и поет внутри.

Дребезжит туман, и Москва кругом –
и краснеет тень и живет пока,
на твоих руках – трафарет листка,
оживает вдруг золотым жуком.

И живет, летит к грозovým дубам,
скоросмертных труб, онемевших птиц,
сквозь горячий смог городской косы –
на мгновенье кажется белый храм.

и кленовых семечек два крыла,
все танцуют свет твоего тепла.

ДМИТРИЙ РАТНИКОВ

* * *

Древнерусский простор сковали колючки, хвоя,
как щетина шею и щеки после недельных запоев,
солнце коптит, и трактор бурлыкает в поле
от такой картины срывается «ух, ты бля!»

За холмом лежит глубокое озеро с одинокой
лодкой посередине, русалкой в мутной запруде,
и от берега до горизонта, насколько хватает оку
взора, постоянство повсюду.

На закате стрелка часов недвижима, оттого
забывает про вектор времени, необратимость, ибо
в местности, где события неразличимы, никто
не будет думать о том, что было.

Пыльная глушь, порожденная скромным десятком
деревянных домов, где и водки под вечер не купишь,
и кукушка на елке назойливо мямлит: «кукиш!
не отвечу!», – хотя и так все понятно.

В полумгле ни звезд, ни луны – только цикады
стрекохут в акции. И свет фонаря, образуя
страх для тени, освещает веранду – цитаты
так видят ужас в цензуре.

В небе без звезд одиночество жжет больше –
трудно понять, на какой ты земной стороне,
но, заснув в тугом гамаке неважен ни космос, ни
памяти окаменелость...

* * *

Наступит сентябрь, закончатся скидки в том
магазине, и доставать из шкафа
придется свитер, перчатки, пальто
и шапку;

варить глинтвейн вечерами с медом,
есть яблоки, читать журналы
про то, как с годами меняется мода,
но человек – едва ли;

ждать снега, смотря в окно из-за шторы,
слушать пластинки в полночь,
собирать гербарий в альбом, чтобы
было потом что вспомнить;

фотографировать осень, ее анфас
смущенный и думать: «если
смерть природы есть неизбежный факт,
то его могут восполнить вещи».

АЛЕКСЕЙ КОСТЫЛЕВ

Возвращение

Возвращайся сквозь лес. Вслед по волчьей тропе,
вслед встревоженным лапам, за неведомым «ты».
По поломанной ветке, по прижатой траве,
узнавая черты одичавшего чувства, иди.
Ничего, если боль – подорожник залечит разлом
между кожей и кожей, между пальцами рук.
Одиночество больше и выше осины в разы.
Ничего, что ты выдохся. Зол, а не слаб, и не друг.
Возвращайся на раз. Что терять тебе, кроме замков?
Не домой, не на север, на юг – вековечная даль.
Когда станет понятно, что ты заблудился умом,
вдруг поймешь, что всегда ты стремился сюда.
Проходя мимо стен, мимо снов, выходя из угла,
проходя мимо всех, замечая лишь смех или выпавший снег.
Понимая, в чем дело, не спросишь уже «как дела?»
Это правильный путь. Возвращайся ко мне.
За последней чертой, где идут гаражи,
там иди сквозь огонь, потонув в черед
полубратств, полублядств, полушарий своих и чужих,
одинаково верных себе. Черт-те где,
черт-те кто, узнавая в лицо каждый лист,
сквозь статический ужас синтетических кружев огней,
потеряв стыд и страх, на свой крик, на свой риск,
в замирающей бездне маршруток с работы и к ней,
возвращайся сквозь мир. Гул куда-то исчез.
Это ты начинаешь вращаться в новый ритм.
Одиночество больше деревьев, но ты больше, чем
этот лес. Я прошу, если можешь, вернись.

ОЛЬГА МЕТАЛЬНИКОВА

Где я?

я заходила во влажные стены старых трущоб,
я водила хороводы под бездарное пенье,
я танцевала, как никто и никогда еще,
я тонула в Вавилоне своим смиреньем.
я целовала мягкие губы женщины,
я трогала ее беззаветное тело...
я хотела быть под потолком подвешенной,
я казалась такой красивой и смелой.
я наслаждалась свободой, пузырьками игристой,
я чувствовала на себе дыхание геев,
я глотала воздух, дыша прерывисто,
я очнулась в луче яркого света,
произнеся отчетливо: «Где я?»

* * *

я сегодня не вернусь домой
потому что я влюбилась
в листья
вот кленовый –
он такой родной
мне с ним хочется
напиться

АННА ОРЛИЦКАЯ

* * *

отрасти волосы ниже пояса
встречайся не в метро
а на перекрестках улиц
на мраморных лестницах
открывай новые города
на случайных страницах
оставляй закладки
потом перечитывай
води друзей в некурящие залы
тихих кафе на невском
заказывай лимонад и мороженое
не думай о дыме
гуляй не одна
по гранитному городу
возвращайся домой
после полуночи
к закрытой двери
не расстраивайся
не расставайся
не думай о дыме

* * *

опустевший пляж после отлива
как клинописью исписан
следами чаек

чуть поодаль дети
пишут на песке свои имена
и имена их уносят волны

только мне
написать
нечего

* * *

не более девочка прошу тебя не более
а если болеть – укутывайся теплой
сколько уже из августов родилось сентябрей –
двадцать один, и все на твоём счету

в твоём городе листопад засыпает на крышах домов
а под крышами засыпают дети с плюшевыми зверюшками
сегодня твой город гигантским одеялом укроет ночь
и ты под ним – спи, усни

белый мишка как верный любовник
в плюшевые объятия тебя заберет
из самых кошмарных снов

его ватное сердце исколотое иголками
в заморозки тебя согреет
его пуговичные глаза до утра
будут с любовью на тебя смотреть

* * *

я продолжаю жить по неместному времени
надевать платье на голое тело
оглядываться выходя из лифта

часы продолжают стоять на туалетном столике
стоять и идти одновременно могут только часы
а нам – либо *останься*, либо *уйди*

ты продолжаешь хлопать входной дверью
курить на ходу забывать слова вещи пин-коды пароли
опаздывать на деловые встречи

ты ничего не знаешь о моей одежде
я ничего не знаю о твоей одежде

часы продолжают стоять а время продолжает идти
когда-нибудь оно рассердится и уйдет насовсем
тогда мы останемся вдвоем
одни против всех
и скажем друг другу
времени больше нет

* * *

приплывай ко мне рыба
будем с тобой решать
в какую бездну нам еще вместе нырнуть
в какую яму еще вместе упасть

прилетай ко мне летучая рыба
будем с тобой гадать
сколько ты сможешь звезд проглотить
и долго ли будет светить луна
если не платить за свет

приходи ко мне девочка-рыба на каблучках
с накрашенными ресницами
буду тебя обнимать
сладким чаем поить
и когда мы пойдём с тобой по бульварам гулять
будут над нами стайками облака кружиться

приплывай рыба
ты так часто мне снишься

АНДРЕЙ ЧЕРКАСОВ

запоминает и воспроизводит

не видно –
их не было
или
уже стоят на своих местах
держась за руки
как небольшие дети

я помню –
нас выбросило
вверх и вперед
сквозь стекло и свет

(молчание приборов
измерения и распознавания

воздух
створоженный взрывом

эта комната
где мы стояли и смотрели на них

предельное сопротивление среды)

все в порядке

холодильник глубокой весной

с поверхности
все утро счищали птиц

медленно садились красивые насекомые

около того

посмертная запись
через цветение:
кроме как космос

и еще

лампы дневного света
продолжают работу

загадки

1.

они пишут законы для тех
кто кашляет в темноте:

«это мы вот чего
когда одной женщины недостаточно
значит торжество природы etc.
но это чужая речь
и это чужая речь

ты слишком много читаешь
слишком много кашляешь

мы еще придем к тебе
обглодаем все твои праздничные деревья
разобьем все стеклянные шары

будешь знать»

2.

это кто говорит «ничего ничего»
и навстречу целует утюг
роскошно показывает другую ладонь:
«закрою губы
больше никогда не буду болеть

ягода эта пламенная
промасленная доска
чистый шелк

я терплю
терплю»

3.

заведи себе хомяка домой
путешествуй в нежные города
пока я знаю это слово несколько раз
и пишу его в бортовой журнал

примерно пятнадцать лет

1.

белые буквы шелковицы
темная комната ежевики
детская крымская память
все эти тяжелые камешки
неласковые эти блики
негасимый пламень ясности
до боли сгущенный жар
весь расставлен кругом
среди добрых рыбаков и камней

мы уходим от них
шестилетние и босые
с целлофановыми пакетами
полными морской воды
и красивых рыб

2.

ягода памяти, ненужная вещь,
монетка, зачем-то поднятая со дна.
я разжимаю руку, и рыба взлетает в свет,
после, через секунду – еще одна

ОЛЬГА ЯКОВЛЕВА

Сон

а по ночам меня целуют дельфины
и вижу я всегда вижу их глаза сквозь свои закрытые веки
мимо проплывают деревья коробки перья дома и льдины
нас качают радиоволны нас обнимают реки

помню однажды я до будильника любовалась огромным звездным ковшем
лежа с раскинутыми руками на спине на своем книжном шкафу
мы незаметно плыли по океану и было так хорошо
как ни за что на свете не рассказать за одну строфу

от поцелуев дельфиных лоб становится как стекло
я забываю что можно морщиться или хмуриться я становлюсь прозрачной
и все в чем мне когда-либо не везло
здесь ничего не значит

так незаметно уводит течение вдаль от берега каменистой земли
тихо качаются на волнах обрывки мысли неразрешенные синие как
запястья

а дельфины играют ими и все неважно да важно ли
если сон поцелует море дельфины небо дельфины счастье

* * *

зажмуриваю глаза и прошу – не бей
каждый упавший ниже других слабей
может быть он окрепнет когда поднимется
если земля не раскроет свой рот под ним

руки в молитве будто в крови по локоть
словно перо от крыльев щекочет локон
сумерками по телу сгущаются синяки
как же слова твои холодны как горьки

господи забери сознание забери
чтоб ничего не чувствовать до зари
и от зари проснуться не от хворобы
господи а потом бы забыть бы про все забыть

* * *

Надо было снять комнату или не выходить из машины – сделать все
сразу, чтобы не о чем было жалеть. Мы друг для друга лишь трижды –
остальное окажется лживым, как только отроешь глаза – станешь
сильней и злей.

Мы не увидимся больше, повернувшись друг к другу спиной – все, что
имели и все, что еще не собрали, друг другу легко отдав. Надо было
снять комнату и захлебнуться весной, розовые комья снега выплевывая
из рта.

Надо было быть честным, честным – еще честнее, вывернуть наизнанку
душу, будто карман пальто – или никогда не встречаться под этим горячим
снегом, бежать без оглядки в разные стороны, не оставляя следов.

Теперь – мы дышим в ладони, оглушенные криком моря, уговаривая
себя проглотить друг друга как валидол, положив на грудную полку
очередную историю, а надежду на светлое будущее на холодильный
стол.

А перед глазами – все те же замерзшие лужи – ты, как ребенок,
скользящий по ним беззаботно и так легко, огромное черное небо, теплый
семейный ужин, капля вишневой патоки, падающая в молоко.

...надо было снять комнату. Покуда в глазах темнело – выросли вдоль
ледяной дороги первые фонари. Не буди меня еще пару минут, а возле
подъезда смело – разворачивайся, забывай дорогу – и сыну не говори.

АЛЕКСАНДРА СОБОЛЕВА

* * *

Задыхаясь от воздуха
превращаешься в рыбу
немота тяжелеющих слов требует дна
колодца
где ни одна рыба не обреталась
и бьешься
и бьешься
а только и надо
стать колодезной рыбой
и путник худым ведром, серебряным ковшом
пригоршнею
может быть вытянет.

14 сент. 2009

* * *

Открывая уши становишься обнаженной
пересохшие русла рек тянутся к влаге
прячущей в сердцевине раковины
тайны миротворения
свернутые клубком
доступные только рыбам они
переживают время
невозможность стать словом
превращает их в шум
и рыбы разносят его по всем руслам
чтобы каждый умеющий слушать
услышал

сент. 2009

* * *

Женщина перевозит саженцы
зеленые ростки прорываются из огромных пакетов
требуя внимания
Она смотрит невыносимо закрытыми глазами
от вечерних мыслей морщины становятся только глубже
Но ей все равно
До конечной станции еще существует возможность
не возвращаться

Но поезд следует в депо.

20 сент. 2009

* * *

Кожа беззвучна пока крыльев взмах
не всколыхнет траву ветер
ветра
пока не вступили смычки
запоминай тишину росы
она помнит рисунок трав
между вчера и утром

запоминай тишину
пока вдох и взмах не оборвались
в Ах.

12 сент. 2009

АЛЕКСЕЙ АФОНИН

мишель – карин

И здесь, где
трогательно стар бульвар,
мы с тобой, как голуби
в винограде, в вине, почти что в бреду, –

как на броне через какую-то странную воду,
где все иссякает, уходит,

и лишь остаются
лоскуты солнца, переливающиеся на воде.

А помнишь день, когда мы венчались?.. Сбежали от всех гостей,
уехали за город. И был дождь, и вода заливалась мне за ворот
пиджака, а ты промочила юбку
почти до бедер
и от этого стала похожа на привядший белый вьюнок...

ужасно проголодались. Ужинали в какой-то дыре
(окорок и дрянной коньяк, подумать только...). И все равно целый мир
расстелился у наших ног,
как загрунтованный холст.

Потому что кончилась, как проходит гнилая зима, эта война –
и каждый был счастлив,
каждый; даже если был одинок

среди вечеров и фонарей, и лип.
Сухой воздух и скамейки – как горсть земли в руках,
что бросаешь, отпуская... Но можно гулять и среди мха и могил,
если рядом у девушки бьется под юбкой, как колокольчик, жизнь,
горяча.

...Ты моя лошадка,
ты – горький шоколад

с тмином... Взятый наудачу
аккорд –

без надежды на внятный ответ, но в надежде
на все зонтики и дожди; в пролет

арки, как под крыло. И челка – как крылья, и как каприс;
с анисовым привкусом долгие облака, взятые, как сигарета спичкой,
смычком... Я дарил тебе ирисы,
представляя, что дотрагиваюсь до ресниц.

И в конце
нашего романа (не люблю сказки), будет, наверное, россыпь точек –
твоих веснушек. Никаких слов, просто горсть

крошек для птиц. Страшные сказки, для которых время – ночь,
хрустящие булочки, для которых – день

и все сначала, алые платки и бессонницы
с горячим вином, молодые, как смерть, – вся
эта карусель, как зонт у фокусника, вращаясь, постепенно

иссякает, уходит;
и остаются

нам – только голуби, воркующие в винограде.
Обрывки солнца, переливающиеся в воде.

Канонерский о-в

Раскрывается неба медленный парашют.
В глазах светло от моря и кипрея.

И воздух рвет платок, как ветер с шеи:
вся даль, невыносимая, будто зуб,

ноет, вежливо прекрасная, как холки больших лошадей
вечерних. Честней, чем рокотом еле видный в небе пустой вертолет,

когда у битумных швов начинает цвести львиный зев,
такой хорошенький.

Сгрести весь звон, шорох и хруст в один день, как в букет,
раскрывавшийся вглубь,

когда переливается у мола одна большая вода, говорит «дин-донн...»
Влага толстая, ходящая в свет-проем, ко дну.

И как в самом-самом детстве, когда даже коляски нет,
ничего еще нет, одни большие глаза, –

раскрывается все небо большое, как один большой парашют.
И уходит, качаясь, уходит за горизонт.

* * *

...Понимаешь, похоже я
слишком легко научился отыскивать замену,
чтобы не уронить горизонт.
Не обязательно человека;
например – белый прозрачный чай неба
в окне.

Не потому даже, что боюсь, будто бы слишком
больно; нет, не боюсь – вернее, готов бояться
и испытывать. Но, к сожалению,
просто слишком быстро перегорают предохранители;

отбрасываешь желание и ощущения,
как хвост – ящерицу. И стоишь, чистый,
не понимая, кого же тут может быть жалко.

И думаешь о смертности смерти.

То есть – о жизни.

* * *

Вода – как крылья, крылья и вода:

– и ты собой становишься поток –
и ты в себя вдыхаешь целый горизонт и соль
и ты собой взрезаешь цель

как четкий профиль силуэт

на целлофан и крылья, мятый целлофан
и фонари горят в гортани лед и сахар

и облака – вон там – как взорванный дракон...

...Но если ты начинаешь думать о чем-то другом, –
вне пейзажа,

где пустоты, –

пора уходить с моста.

ГАЛИНА РЫМБУ

* * *

Раскаленный август, запах пшеничных тел.
Полусонные карлицы шагают по спелой воде,
Но им никогда не пройти эту реку вброд,
И мелькают за ними тени топорков да бород.
Мы лежим на причале, глядим, как из черного дна
Намечается, наползает, подрагивая, луна.
И не нужно иного, когда все вмещает одно,
Убаюканное временем лодочное дно.
А на том берегу – скрип уключин, загадочный лес.
Я тебя берегу, стерегу, чтобы ты не уплыл, не исчез
Там, где черные кроны всеюночно поют для тебя
Непогожие тайны расплавленного сентября...

* * *

Два великана над пристанью, сгорбившись, ищут рассвет,
черные звезды гаснут в мокрой траве,
как будто бы память, забыв, что она – вода,
пытается сжечь наши маленькие города.

рыбаки засыпают на отсветлевшем дне,
закутавшись в невод, полный ракушек и слов,
долгих лет уходящих, спутанных, словно трава.
Под зияющим небом почти невозможны слова.

Я зову тебя долго эхом разбитых широт,
чтобы мы смогли перейти эту реку вброд.
Берега, берега... а над ними хохочет тайга,
и злоещее солнце зовет и зовет на восток.

Скоро выпадет снег, и паромы забудут свой путь,
рыбы выйдут на берег, начнут хороводы водить,
и, сцепившись хвостами, в надежде заговорить
снова вымолвят слово какое-нибудь как-нибудь,

упадут на песок,
будут слушать в стрекочущей мгле
сумасшедший ветер с запахом череды.
Только нас здесь не будет, так скоро... и ровно в срок
ледяные волны смоят
запутанные следы.

* * *

После дождя остается только песок,
пахнувший морем, ледяная тоненькая свирель,
языческая тоска
и вода, –
набухающие карточные города,
где номер каждого дома безвестно скрыт,

где под гитару орут в переходе:
«Мама, мы все сошли с ума»,
бледные девушки в сарафанах,
старый фотоаппарат
наводит резкость,
наводит, наводит –
никак.

После дождя на губах умирает соль,
цыгане смеются, отплясывая на пустыре,
городские чертополохи виновато склоняются в ночь,
мосты не выдерживают сияния своих рек.

После дождя ты еще долго ходишь, как бог,
С выцветшей памятью, взглядом, лучащимся вниз,
И чернильные сумерки сгущаются (кажется – навсегда),
И перо выходит по жилам наружу, – так
После дождя начинается внутренняя война
В каждом выдохе, выходе, сне, лепестке.
И вода, и опять, и опять заживает вода
В наших глупых маленьких карточных городах
На открытых ранах радужных площадей...

* * *

замерзаем в пещере, укутавшись в сны насквозь,
сайры идут косяками в подводное горло луны.
этот век нас пограл, он сожрал нас, стрекочет ось
земная – летом живичным. мы,
как ребенки обнявшись, пьем свою глубину
вдалеке от больших городов, звона черной дыры.
океан – наверху, он рождает великую рыбину,
и восходят из кратеров мертвенные пары.
этот век нас сожрал, потопил нас, не оставив священной кости
в нас. поцелуи аморфные – на ледяной лоб.
по девятому кругу так больно, так страшно нести
на поверхность тебя, господи, как тяжело...

* * *

Следы распада:

восковые грачи клюют мертвую статую траурная
процессия из грузовиков медленно и беззвучно движется в кабинах
текущие андрогини в шерстяных масках смотри
вместо рук у них жабы лапы они
крутят ими земной руль на обочине голый
мальчик кормит деревянную девочку кислыми
виноградинами девочка издает утробный клич
и смыкает веки огромная хрустальная птица
когти свои клюет не думай это
не тот бог в зобу ее расцветает шиповник люди
с надетыми на туловища спасательными кругами
в инфракрасном безмолвии маршируют маршируют на
главной площади на каждом втором таинственный
противогаз маленькие азотные ящерки шныряют
в стеклянных глазницах сейчас мы наблюдаем
разложение главного корабля потом движется
на нас черный протуберанец зловеще
горят глаза магов они внутри в ядре завтра
идем убивать траву мать свою целовать мама
мама я из тебя как дерево чувствуешь как горит
в хрустальных постелях мечется лунное тело мое

Слезы распада:

мечется лунное тело, прикованное к постелям солоно
невеста с золотыми шипами в груди с жирным
гребешком красным лежит и магнитик сосет точит
лунный свой коготь вот так и маешься чередой
превращений идешь на ржавый
свет фонарей ладони разрезав маковыми
лепестками вот он зияет в ночи горнист твой и всадник
дырявым своим животом холодным
порталом ночь ночь ночь осиною
жала тоска сладкой личинкой любовь
похоронной процессии на обочине у мальчика
вырастает гигантский мускул раскаленные звери
пляшут в башне стальной красные быки
несут на спине гроздь змей и людского
сала становятся в круг и в центре ты
видим навеки
видим навеки

АНТОН РАВИК

Израиль

*

бригадир
кипарисовый холм на равнине
а танки
наступают печалью
на скверные
деревни
высот Голанских

парень
наряжен в бронежилет
он печень
нагорная
на высотах
Голанских

и рупоры-руки
как перетяжки рекламные
над ликованием Бродвея
кровеносные пчелы
к высоким звездам и небу
им
не построишь бункеры
на высотах Голанских.

* *

калейдоскоп печалей
каретка машинки
печатной
и ревнивые вдовы пекут пироги
на берегах Красного моря

противоположных
судках
с кровью семитской
месяц беличий
мех своих сыновей
и стерегут седины отцов
чтобы остались те слабоумными

а кровати скрипят
под мочалой тупиц
на пороге никто не снимет сандалий
обочина есть
нет порога
и кумушки
соплями утирают
кровь своих домочадцев
после налета

шибко
радуются
гогочут
на берегах
Красного моря
семитского
а мышьяк
медленно
движется
к сердцу
тропами
бедуинов

* * *

послеобеденное время
в которое
жарят пятки в уголь на солнце
кровяная колбаса черствеет
не успевает червиветь

школьники
дома
их никто не ждет
в эту жару

мукомолка на том берегу
Иордана работает
она же финифтью
украшит ракеты Хасан
в секторе Газа

олимпийским спокойствием
украсят дети ракетоноситель
уголья
под солнцем
они снимут мерку
со смерти
чтобы
потом
угодить
в нее
прямо

не промахнуться

* * * *

таблетку в платке принес к стене Плача
лечит от рака
колючий куст до крови затолкал между бугров камней
не пропускает солнце
винт завернул в зазор миллиметровый
авиационный винт
никогда не взорвется не глядя

ДАРЬЯ СМИРНОВА

песок и смола

жизнь вязальной спицей вставлена в колесо.
ты аукаешь, как грибник, в глубине лесов.
все, чего ты не смог, я смогла.
я лаванда, я лава, мгла.

дай мне сил не услышать зов.
нет ни свеч, ни ламп.
одиноким мой беличий век в колесе так слаб.
все, чего не смогла, ты смог.
ты исток, лепесток, песок.

это свет всех кухонь, в которых нельзя согреть
ни воды, ни ладоней. рассветом набит на треть
ты промок в июле насквозь.
но до взрыва гланд:
я — мала. я — смола.
это я ничего не смогла.

июль 2009

никакой не вестерн

запишите песню пропавших без вести фермеров
потусторонний вестерн

первый
падает оземь среди золотых озимых,
чернозем целуя между лопаток теплых
на губах сухие земные крошки

второй
выживает в реках неизгладимых,
костерок разводит на прошлогодний стеклах:
выбит брошен омыт не спрошен

третий
смотри-ка – копает землю твоей гитарой
до тех пор, пока та не наполнится до отказа
и ее уже не поднять – ну давай попробуй

поиграй
в ветре запах чего-то старого
скуй рассвет для меня, отойдя от кассы,
крутани глобус

только ты стоишь
почему ты стоишь у холодного стога с иглами?
ищешь травинку? себе не находишь места?

все про нас, про нас,
заигравшихся в глупые игры

никакой не вестерн

март 2008

dark

солнце горит.
от луча прикурил икар –
как в первый раз.
этот огненный яд не пей.

осень щедра.
и скрипящую муть плацкарт
с легкостью превращает
в уют купе.

вскрытые сейфы с золотом –
жалкий дар.
все раздарить
за один разговор
с тобой.

листья сжигают,
как маленьких жаннок д'арк,
рыжих,
взъерошенных.

пахнет октябрь борьбой.

суевера

нитка-сентябрь, меланж теней
в вышитом сквере...
– трубку не вешай... ты веришь мне?
– я суеверю:

пить остывший жасминовый чай залпом –
к дождю
дверь запирать на цепочку с шеи –
к беде
находить твой след на полу в прихожей –
к пути
собирать чемодан, уезжать в полночь –
к тебе

– ты знаешь, к чему снятся лебеди?
– тебе кто-то скажет: liebe dich
иди от меня подальше от беды
иди иди

МОЙ ИЮНЬ

...и если ты знаешь, как это делать, скажи.
мама – как лучше пропитывать кремом коржи,
делать борщи, превосходные беляши.
– говори «прощай».
не юли.
глубоко дыши.

...и если ты вспомнишь, как – просто мне намекни.
папа – как в жаркий отпуск растягивать дни,
как доставать амфибий со дна реки,
бледных ундин.
– я на речке один.
приди.

но если ты знаешь, как это делать – скажи.
милый, хотя б намекни, как мне дальше жить,
как мне просыпать прошлое из души,
как его вытрясти из рукавов пиджака.
(гулко дышу.
не прощу.
говорю «пока»)

белое лето –
до дна пропеченный корж.
снам задаю вопрос:
на кого похож?
правду ужу,
наблюдаю за поплавком:
лица людей,
с которыми ты знаком,
часто во сне клюют.
на заросший пруд
медленно капает гаснущий град минут.

– как себя чувствуешь?
– раны на солнце жгут.
жизнь торопливо прячется в камыши.

и если ты знаешь, как пережить –
скажи.

июнь 2007

МАРИЯ СКАФ

* * *

Твой выбор, когда память катится заводной юлой,
но не останавливается, не падает на бочок,
спрашивает «мама, я чей»?
«Мой,
а чей же еще?»
И уже никуда не деться, за собой нести,
заботиться лишь о том, как ее вместить.
Знать, что она рвется на волю, вгрызается в лежалый грунт,
и когда наконец оказывается тут,
через туннель твою голову заливают божественный смех.
Это и есть твой страх, который – известно – свет.
Ты исчезнешь, она все будет брести за тобой на запах,
сама поплетется что упрямая паства
до седьмого колена, а затем встанет на задние лапы
и попросит показать паспорт.
Как слон на каминной полке,
подставляющий мраморный бок огню.
я мгновенно тебя запомню
в долговременной, генетической сохранию.

* * *

когда я бросаю все, что тобой мне послано,
оправдываясь, что это очередные полосы,
и ты снимаешь крышу с моего дома костного,
с рабочего места мне видно лицо твое плоское:
склоняющееся и покачивающееся, первобытно-страшное
словно ты – впавший в маразм старикашка,
согнавший с качелей шумных детей дворовых,
не лицо – огненно-красный всполох.
ты захлебываясь орешь: знай свое место,
я найду тебе пару, совьешь гнездо, будешь жить честно.
будешь жить просто, есть сельдерей и кашу.
сидеть, моя девочка, клуша ватная, ряша.

но когда этот тихий омут покрывает рожь,
будто ты мне на сердце тяжелую лапу кладешь,
я чувствую как крепчает внутри слоновья кость
как карабкается вверх по сосуду густая кровь.

со всей ясностью понимаю – не твое дело
как и где будет дальше пребывать это тело
с очерченным по асфальту контуром белым мелом.
но зато я плыла и пела, плыла и пела.

* * *

наше королевское невысочество и недалечество

за шиворотом у меня горб, на горбу город
чудо-юдо плавает в море по моим позвонкам
целый мир в горсти, маленький будда на моих руках,
я стою прям и горд на своих ногах
сам себе чищу семимильные сапоги
на черепаховых каблуках

а у меня из-под пальцев рождаются новые зеркала
голосу моему подпевают все столичные колокола
у меня вся москва на блюде на краю стола
отражается имя мое в куполах
оттого, что по горло свята,
*тяжела, как плита,
как надгробная речь шута.*

о спинку стула, как тень, ломаем тебя
день ото дня тебе будем снится, приходить в бреду
даже не пытайся нас прогонять
словно верный пес, по запаху, тебя везде найду
оттого что с человеком в его последний час
никого кроме нас.

* * *

Что же ты, прячься скорей в мой домик,
на улице дождик, сильный радиоактивный дождик
на улице поливают дороги йодом,
не бойся, я всегда буду рядом.
ты умрешь первым, я стану держать тебя за руку и улыбаться,
повторять, все хорошо
я обязательно стану взрослой, вылечу зубы
стану сильной, нацеплю каблуки и пойду в город
тонут рыбки в сказочных заводях, в тихих омутах,
берутся за руки шагают в воду и тонут
мы купим тебе такие же плавники, станешь подводной лодкой,
подводной рыбкой
чтобы хлопать глазами и прятать в жабрах улыбку.
Станешь плавать в горных озерах – белый и влажный
Неспящий, невеющий, может быть, только вещий
От слова – вещь
Самая важная
То есть почти настоящий
Весь

* * *

Чудо рождения в каждом пластиковом колпачке,
В каждой лампочке, листочке, веревочке,
В зубной щетке – твоей и его – поселились страшные добрые бесы
И по этому поводу
отныне и впредь
все прогрессивное человечество может отправляться лесом.
Первого беса зовут *Ясучала* и второго зовут *Ясучала*
И еще их зовут *Я ходила по городу, весь день по городу*
Выбирала шляпку для бабочки, что поселилась в наших тяжелых
шторах
Люди сказали, что этих бабочек они называют молью
Я назвала ее Красной шапочкой.
Это как Дафнис и Хлоя, как Ромео с Джульеттой, как Взяти и Умерли.
Как выщипали, выпотрошили, сшили заново, обманули

А ты стоишь – пустой и голый, обманутый – и твердишь спасибо,
Либо тебя убьют
Либо
Тяжелые шторы, изъедены бабочкой в шляпке
Красная бабочка, красная шапочка, пирожки с капустой
Галстуки на бельевой веревке, в холодильнике холодно, в прихожей
пусто

Первого беса буду звать *Небоюсь*, второго – *Итынебойся*
Вместе их буду звать *Скоро кончатся последние деньги*
Я буду плакать за тебя по ночам, только ты спи спокойно.
Даже когда облысеют наши волшебные зубные щетки
Руки и ноги у бесов останутся целы

ЭДУАРД ЛУКОЯНОВ

* * *

Теперь представь себе ручей, и в нем вода, и в ней ручей.
Там в тишине над ксилофоном золотым сидит мудрец,
и обращается к воде звучание пластин,
материал которых был из нее изъят тобой и мной,
грядущий сталевар. Но капля тихая заглушит звон,
и не вернется в жидкий дом песок, просеян через слух.
Так и сворачивается кровь разлученная с собой.

* * *

День прошел, и час пробил –
ребенок время прекратил.
И он увидел и смотрел,
как мир спокойный не старел.
Воды косматый караван,
дышал и падал океан;
бесшумные, как воздух, звуки
не знали музыки науки,
и горам пламенные реки
смыкали бронзовые веки.

Как трава зеленый был,
влажный лист над всем парил.
Солнце белою резьбой
над вселенскою избой
узоры вило в чистом небе.
Не болел высокий стебель,
не познавший тленья тли
в мягком валенке земли.
Сияли звезды в вечном свете,
бог один был на планете.

* * *

послушай
как бабочке в траве не страшно жить
(врезается где-то в океан дышащей спицей ось миног
но нам с тобой бессловесный бог умываться из керамического
моллюска)
вот и бабочка спрятала тело в бесплодную пыльцу
а душа ее все мерцает в пустоте
будто сама сомневается: есть ли она

* * *

горячим дном что скульптор чугуна закинул нам на стол
чайник воздуху велел
можжевелевать

не так ли камень бросил смелый неподвижный дискобол
в волны зрения об мель
может век летать

* * *

Спит в колыбели младенец-Мандельштам,
кто, столь невесомый, ходит там,
ж е л е з н е я с ь ?
Здесь,

принимая тяжесть пули, монеты неразменной,
вколоченной в темя времени,

тих. Потому невозмутим.
Он во рты нам говорил:
«В отличие от многих, меня к а к – т о нет».

Так спрятано от нас дыхание планет.

* * *

Последний октябрь в знакомых местах,
в котором ученик шагая,
о другой мечтал стране, но о домах,
чтоб были как здесь, и чтобы в них играл бы Бах,
на все вопросы отвечая,
как его учитель:
громче, чем надо, и строже,
но убедительно.

Последний октябрь в забытых краях,
где ранний снег, от солнца подвижный,
сам себя убеждал второпях
недолгой жизни,
что он – это дождь, лишенный речи,
следы на ногах моих оставляя,
мир наблюдал
и город невечный.

ТАТЬЯНА БАРБОТИНА

Предисловие к книге о морском деле

1.
говорите не в первый раз
говорите со мной обо мне
детским кашлем звените под утро:
караваны уходят в не
эшелоны уходят в не
эскадрильи цыган – туда
где купаются красные кони
капитаны стоят на корме
и стирают морскую соль
с козырька
эта женщина на воде
эта выжженная вода
тоска

2.
И море прыгнуло на камень,
швыряясь галькой и песком,
шипя и шамкая.
Серьезный дядечка с усами,
как на параде, только босиком
вышагивал.
И солнце пело высоко «туру-туру».
Мне говорят – «ходили рядом облака» –
я их не видела. Слепило. И ко лбу
приложена рука.
Горячий город вечером в метели
огней фонарных и неоновых, и к стати
тревожной россыпью белели
по набережной платя.
Ну что ты тут сидишь, опять,
в тиши – на первый взгляд,
на самый трезвый...

Луна поет как пьяная невеста
и падает в кровать.

3.
Делай раз, и камень пуляй в волну.
Там такое внутри волны и воды живет.
Это думаешь ты ненароком сейчас шагнул?
Под ногой крутанулось. Оно и еще крутанет.
Слышишь песенку, будто поет вблизи
одинокая юная дай обнять?
Это рот его в рыбьей блестит слизи
и зовет целовать.
Не спеши, он заметит тебя извне
и прочтет изнутри.
Чуешь – в сердце рвануло – и на воде
плывут круги?
Зашаталось и вырвало на пурпур
кусочек янтаря.
Это думаешь ты ненароком сейчас шагнул?
Крутанулась земля.

4.
А над Москвой стояло розовое пламя,
И темнота ветвилась как кораллы.
В многоэтажно-городском тумане
сверкали окон пыльные опалы.
Как день, проеденный насквозь, бежал,
уткнувшись в небо носом, как в перину,
так разбегаются коты от света фар,
хвосты поджав, так улетают клином
тяжелые гусыни и утыни
на берег влажный и тяжелый солнцем,
где небо в море опустило
Свои усы, как удила
...
Так день прошел. И ночь прошла.
И не вернется.

5.
Это было в начале сентября,
и тебя кружило, кружило,
как часовню в крымском мареве
в двухстах метрах над водой.
Я был смелым настолько,
Что придумывал имена.
Проследи, пожалуйста, глазами –
поднимется ли та чайка выше мачты,
если да – мы дадим ей имя
силь-ба-сил
И она сможет парить над крестом спасения,
понимая под крыльями.

АЛЕКСАНДРА БАБУШКИНА

* * *

1.
меня не было месяц
и в комнате моей так и стоял июль
когда некому переворачивать календарь
время останавливается

2.
самый тонкий почти прозрачный
почти призрачный
закат
перед прощанием
перед отъездом
а желтый особенно желтый
а красный особенно красный
и оранжевый
оранжевый совсем
и ночь особенно черная
и сон болезненный такой
без сновидений

3.
вода остывает к осени
и опьянение летнее заканчивается
словно сразу начинается дождь
словно сразу холодеет земля
словно холодный ветер пробегает по лицу
и только лишь от ветра
от ветра только
на глазах слезы

4.
за июлем наступает сентябрь
переворачиваю календарь сразу
на два месяца вперед
а можно

а можно не переворачивать
так
тогда всегда
будет август

* * *

от тяжести и от нежности
почти разрывается
сердце

 слезы в глазах
все долгие весенние дни
все теплые весенние ночи

и от грусти и от радости
перехватывает дыхание

и ни одну мысль в полной мере
не выразить словами
не удержать руками
хода времени

и движется оно по склону
снежным барсом
ирбисом
 ирисом
распускается новая минута
и осыпается лепестками как будто
в ладони дрожащие

все близкое и далекое
все придуманное и настоящее
отчего-то все видится друг мой в тумане словно

и не охватить мыслью и не передать словом
эту грусть и нежность эту
 беспредельную

и это небо гуашевое
и акварельное

ВЛАДИМИР ВОРОНЦОВ

* * *

зеленый бог на тонких ветках спит из окон
хосписа глаза восторженно глядят уста-
ли от света тусклой лампы зрачки и жилки
кровавые прорезали белки сонных оч-
ей недосуг смотреть наружу в коридорах
в халате белом затаилась в ожиданьи
а бог зеленый с влажных веток сползает и
выкрикивает в сотни невидимых ушей
в небесах мокры облака я есть я вот я
здесь в незримой глубине воображения
той что сидит закинув вдумчиво голову
забыв о жаждущих укола зеленого
бога слушает провозглашающего всем
счастья сейчас ожидающим каждому сво-
его не дождетя никто единственный раз
лишь вспыхнет вдруг погаснет сразу темнотою
озарится навеки в звезды врезываясь
летит бог зеленый ветки оголились дав-
но ей нелегко сидеть за столом на игле
каждое дежурство испытанье для нее
она уколы ставит всем совсем не важно
для чего все это смысл не заботит утром
надо просыпаться и делать то что хочешь
иначе придется заниматься постылым
врезавши дозу идет она на работу
зеленый бог ей улыбается он всюду
в столе в игле в таблетках в койках делит двери
пополам и светит солнце в хосписе тепло

* * *

кладбищенский сторож пугается но-
чью тень увидел он бродящей или
в окно посмотрев ошибся пьянчуга

ужасна о вечность смертью прекрасна
жизнь вершится каждое дело закон-
ченностью чинен быть должен живущий
урчит в животе и от водки в глазах
сливаются темные силуэты
за второй сторож кладбищенский спешит
испуг поборов до лобаза рукой
подать ему нищему духом один-
окому жутко вьются тени свежей
землей пахнет воздух кладбищенский поп
забыл помолиться и ночь простыла
похмельем сковав по рукам и ногам
догнавшись сторож из берданы палит
по звездам пугая вандалов и те-
ни спускаются к подножьям надгробий
постылая вечность сейчас кажется
глупой шуткой творца опьяневшего
сторожа не унять до утра вдовы
придут с рассветом молить за упокой

* * *

пасьянс не сходится увы в колоде
не хватает карты пьяный дворник
уже вымел ее вместе с мусором
и даже не заметил крестовую
девятку когда он напьется часто
жалуется людям на жизнь отсидев
за убийство жены остался один
дети которые уже выросли
отреклись от отца замучил артрит
с надеждой и верой отчаявшийся
дворник пошел в церковь и обратился
к священнику за советом но тот был
уставшим от долгой службы к тому же
его изводила изжога и стояк
и сильно хотелось по большой нужде
не выслушав как следует дворника

священник на всякий случай отпустил
ему грехи безгрешный дворник вымел
случайно карту недостающую
в колоде увы не сходится пасьянс

ВЯЧЕСЛАВ ХИСАМУТДИНОВ

Сон в наушниках №40

Разматывая паутину Соль минор,
диск вертится.
И комната с рассветом
спускается в оранжевое море.
И книги скатываются с полок в воду.

Вольфганг из гроба
Тактирует одной рукой,
А над поверхностью воды покой
и мотыльков распятые страницы пахнут солью.

Течение уносит
столы и стулья за горизонт.
Сопровождение виолончели – легкий ветер.
Смычки по струнам, словно маленькие дети
проводят ногтем, изгибая в обиде рот.

Звонит волна, тревожно воздух тронув,
и Си бемоль, единственный из полу
тонов старается забраться выше
и часто машет оставшимся из крылышек,
но, оторвавшись на короткий миг,
бессильно падает на спины скользких книг.

А в глубине, на дне оркестровой ямы,
две тени – Леопольд с Марией-Анной,
обнявшись, внемлют. И с последним тактом
отец в смятении промакает слезы фракком.

Диск вертится еще и сердцем бьется,
Но все ленивее ломает блики солнца.
И тишина, как занавес тяжелый
спускается с поклоном дирижера.

Уральский натюрморт (Автостоп)

Дорога – темно-синий шрам.
Волосатый живот земли
прооперирован год назад – до сих пор болит.

Чуть теплая солнечная слеза
течет мутноватым светом.
В дряблой морщине кювета увязла оса.

Под небом бутылочного стекла
пылится забытый огрызок леса.
Птицы, как дробь еще с прошлого лета, чернеют в кустах.

Головки Мать-мачехи спят. Хрупкая сороконожка
перебегает бензиновое пятно.
Тянется в поцелуе обветренный рот подорожника,
пробуя с губ земляничную пьяную кровь.

* * *

Лист упал
и порезал руку.
Закат закатал рукав,
наложил жгут.
Острая осень,
словно нож к горлу
притаилась и ждет.

Слишком много острого.
Зажатый в угол,
в грудную клетку,
словно гвоздь,
загнанный ужасом.
Пробую темно-красную нитку на вкус,
ору не своим голосом:
– Это кровь!

И вечер свертывается
в черную каплю,
и начинает саднить.
А я покачиваюсь,
осматриваюсь,
и
падаю.

Навзничь.

ДМИТРИЙ МАШАРЫГИН

* * *

гол человек гол человек
гол человек живой
гол человек гол человек
гол человек и гол

я звал его а он молчал
и все до одного
кричали У МЕНЯ ДУША
орали БОГ ТЫ ГОЛ

* * *

Плачешь со мной ты
входишь со мной в дом
если бы я был
если бы вдвоем

старые тополя
не заходи в дом
не умирай я
бы сгорел в нем

* * *

И всегда говоришь не о том
Потому что не страшно
Ведь когда-то построится дом
Ведь иначе

Кто-то кто-то в него не войдет
В дом – под небом
Не останется и не умрет
Поздно – летом

* * *

Андрею Санникову

мне не снится я не говорю
станем ниже колена по грудь
наклоняясь белея в окне
половина другая за ней

вот за родину вот зовут
станем ниже колена в грудь
станем ниже — на два колена
станем ниже — сюда — под небо

* * *

Ведь мир молчанье ждет тебя на свет
Ведь мир молчанье а молчанья нет

Ведь мир молчанье скоро ли война
Ведь мир молчанье и твоя вина

Ведь мир молчанье русский бог стоит
Ведь мир молчанье русский бог молчит

Ведь мир молчанье и молчанье бог
Ведь мир молчанье

мир

молчанье

бог

* * *

вот и Пушкин не стоит
в темноте морозной
понимает что убит
потому что осень

Пушкин после после
в темноте морозной

Пушкин: после после
в темноте морозной

* * *

вот отсюда уже успокоившись смотришь на леску
улыбайся моя голова через час мы останемся вместе

этой воды через час остальное вина
этой воды где как следует эта земля эта бледность

говори со мной честно на всех языках и она
говорит через час через час через час

говорит что она эта бледность и бледности нет это кстати
что есть остальное невымысленно

заставляет упасть и заплакать

* * *

Вода расходится и шепчет;
вода, сворачиваясь в жемчуг
и женщину, почти проходит (?) –
вода не ходит.

Вода (читай: обратно – трезвость:
материки, другая мерзость
лежащая) – она же вобла;
она же что бля
Протей (но даже он проходит);
Вода не ходит.

КАРИНА ТУМАЄВА

Дядя Володя

Дуже прошу вас убити дядю Володю
Ним чітко окреслена моя юність яка незабаром вимушена буде піти
Прожу вас убити дядю Володю
Забрати з-під цих змучених стріх його порепаний Жигуль
Закрити його вікно з його мужньою волохатою рукою і мундштуком
В якій цигарки без фільтра

Дядя Володя не любить дітей
У нього в квартирі і так є син
Внук також є у нього в квартирі
А дядя Володя не любить дітей
Тому коли ми дітьми бігали хрущовками
По голові дяді Володі
Він не любив цього
І кричав на нас

Прожу вас убити дядю Володю
Ним дихають труби що в батареї вкручені і викликають повені
Серцем дяді Володі живуть таргани і вилізають на наші бутерброди
поночі
Таргани топляться в нашому самогоні який від того смачніший і м'якше
п'ється
Та іржавіє під дощем дядін Жигуль

А наше покоління дев'яностих
Гралось лахміттям як під час війни двох економік
Народжувати ніхто не хотів тому нас було мало – дітей дев'яностих
Тому ми стали імунною системою хрущовок
Нашим СНІДом стали новобудови
В честь відсутності ляльок і нормальної каші в гастрономах
В честь нашого загідженого тарганами дитинства
І самогонки, від якої спилися наші батьки – в честь дефолта
Ми візьмемо мотузку і зробимо зашморг

І товсті волохаті ноги дяді Володі тонко труситимуться в конвульсіях
Над нашими головами

Розливачі самогон в наш потрісканий пластик ти скажеш
«Дякую тобі дядя Хрущов за наше щасливе дєцтво 2*2 і кухню 4*4
Господь благословить твій іржавий до болю Жигуль і папіроси без
фільтра»

...і душа

По дорозі на Київ ішло три білих монахи
Три білих монахи дорогою праведних йшли і тягли мою душу
В пошарпаних білих обдертих халатах душа моя і монахи
Помоляться в Києві
Далі рушать.

Умитися б від землі
Що їсти душа моя звикла
Тягтися би пішки
А так по землі розривається шкіра
Хрипами повні легені душі моєї
Всі легені в любові закутані
До болю закутані в шкіру.
Взяти б червону шкіру
Вимити б червону шкіру
І йти разом із трьома білими монахами
Силувати віру
Вірувати в силу.

Битою дорогами душею
Один із монахів виверне собі шию
Другого монаха кобила затопче
Третій монах помирати не схоче
Обійметься із сильною душею моєю
Підніметься із сильною душею моєю
На небеса
Помітивши сонце і любов

Підніметься із сильною душею моєю
До вогню золота і задіне
Пальцем небеса.

Золото куполів
Київ у них згорів
І ми обидва – монах і душа
Обнявшись за плечі спокутуєм жаж
Перед вщент згорілим Києвом
Що в любові Господній полум'ям
Застраг.

Червона гілка метро

Я сиділа в метро
Скоріше за все щось читала
Завжди легше щось читати
Аніж бачити таке що можна побачити в метро

Метро – це ілюзія потяга
І в ньому живуть монстри поїдаючи працівників метрополітену один за
одним

А нам кажуть, що їх переїхало поїздом номер шість шість шість
Абсурд. Насправді ось вони
Ти не бачиш їх ти бачиш букви а вони над тобою чутно і завжди
Одним і тим самим голосом але в різних подобах
Шурхотять пакетами і кажуть тягнучи «є» та «і»:
Самі ми ні мееееєстніє, рак второй стееееєпені, нада хіміятерапіііію,
іначе ми умрєм.

Люди платять їм такі наївні
Не то через жалість чи то задля того щоб вони пішли
Ці монстри чорних тунелів
Вони буває крадуть дітей у матерів-наркоманок і граються з ними
Юзають їх а потім ходять вагонами з їхніми трупами
Наганяючи невимовну жалість
В глибині Київських катакомб вони мають

Вхід в паралельний світ дитячі садки і школи. А за партами трупи
Їхні прийомні батьки чекають ті кістяки додому готуючи суп з мідяників
п'ятаків і старовинних гривень
Там є валюта яка вже не ходить ніде
Тому у їхньому підземному царстві немає банків
Їх оминула фінансова криза

І він
Хлопець з ДЦП
І постійним місцем роботи-проживання червона гілка метро
Не встиг перейти з вагона у вагон
Тому стоїть і з криками б'є клюкою жовто-блакитну зовнішність поїздів
Що просто проходять повз
Така нестримна лють ось їхня лють ось їхня природа

Я вічно зустрічаю того хлопця
Бо часто їжджу цією гілкою
І йому вічно дають мідяники а я вічно читаю книжки
Я думаю: що за монстр урод та моральний терорист
Він думає: що за дурепа щоразу з іншою книжкою приросла до букв
Так ми і залишилися вдвох на платформі
Поїзд поїхав монстр заспокоївся мені стало страшно...

АЛЕСЯ БАШАРЫМАВА

* * *

неймаверна! але я ня ў хаце і бачу добра
як па начным дажджы спускацца чэрці
першы ўжо капаты да зямлі прышпандорыў
і я адчуваю пах яго шэрай шэрсі
паступова апынаюся ў дзіўным гурце
ні увагай ні развагаю тут ня пахне –
пах чарцей несупынна мне лезе ў грудзі
галава мая так прыемна з гэтага пухне
я адзін між чарцей і нібыта адзін з чарцей
кім я стаўся ці можна сказаць калі ў мностве рухаў
я дрыжу нібы слуп пераможаны чарадзеяй
з гэтых танцаў ня йдзе спакой не сцякае скруха
і я нават магу адчуць як каменная поўня
у маёй галаве што калоціцца разам з целам
б'е па чэрапе часта-часта каб я ня ўспомніў
кім жа гэтакім я быў – адзіным чужым і цэлым

* * *

колькі коней? – коней 9
я іду сваёй дарогай
я пад цяжарам худзею
я змяняюся патроху
колькі коней? – коней 8
як на месцы крочыць марна
мае ногі у навозе
мая памяць у тумане
колькі коней? – коней 7
быццам нехта ў пазбаўленні
мне спакой вятроў нясе
заклінаючы калені
колькі коней? – коней 6
я гляджу на цень шматлікі
я гляджу і бачу шэсце

што адбілася адлігай
колькі коней? – коней 5
мае рукі бачаць болей
мае вочы болей спяць
я увесь ня варты болю
колькі коней? – іх 4
я б стаяў пад кожным клёнам –
сонцавод, які ты шчыры! –
кожны цень заснуў, стамлены
колькі коней? – коней 3
шлях мой выцякае з вока
я распалены знутры
я разбрукаваны звонку
колькі коней? – 2 кані
я прылёг не разумею
ног – каменных ад крыніц
рук – драўляных ад завеі
колькі коней? – конь адзін
твор пяшчоты і любові
без спажытку без гадзін
я жыву цяпер сабою

* * *

вось такая беларусь
багнай плясь лясамі хрусць
птушкай чыўк завей шорк
сонца мяккае як шоўк!

* * *

на падворку карова целіцца
вось
з'явілася
проста
лёгка
расчараванне ў заспаным целцы
і ў вачах адсутнасць клёку

вось
цяля з вачыма куляецца
цёмнае
кволае
неба
ціша
мама на саламяным пляцы
стомлена
пысай у пыле піша
піша – я нарадзіла дзетку
роднага
цёмнага
дзетку
сына
бог мне суддзя мой
двор мой сведка:
сынам сагрэтая – не астыну

ІГАР КУЛІКОЎ

* * *

Яно карыстаецца толькі трамваямі і любіць у подумках біцца аб сыены, збірацца на дахах птушынымі зграямі і рэзаць падручнымі сродкамі вены,

глядзець у вакно цераз сырныя дзірачкі, нагбом распушчальнае піць капучына, самлець калі нехта засмокча пад лыжачкай і выпакцаць плінтусы адрэналінам.

Раз-пораз яно патрапляе ў апатыю, зусім забывае плаціць за кватэру, і пільным суседзям яе грубаватае маўчаньне закладвае вушы і дзьверы.

Яно ж, прымасьціўшыся на падаконьніку – на жах пазабутым штодзённым патрэбам, міжволі падобніцца да апалоніка, што плавае па вадасховішчы неба.

Яе рай існуе за кошт тэлевізара з трамвайнаю шыбай на мейсцы экрана і жывіцца тым, што ня ўмее утрыраваць, і дыхае цішай схаванай у ваньне.

Яно карыстаецца толькі запалкамі і паліць L&M ды сямейныя фота. Ягоным пакоем даўно трызьяць сталкеры, спэцслужбы і цэнтры касьмічных палётаў.

* * *

Хацелася: а) паплысьці куды-небудзь кролем; б) стаць несьмяротным, як Дункан Маклаўд, забыўшы ад сьмерці ўсе коды й паролі, спаліўшы масты – ў тым ліку і МКАД;

в) загубіцца ў гарах, нібы Мачу-Пікчу, а потым зьянчэку знайсці сябе; г) затаіцца ў падпольлі – падалей ад кічу кічаў – або пражываць на прыродзе, каб болей сядзець на траве;

д) дасягнуць на сабаках, а лепей спынам, нірваны; е) вымусіць ставіць вытворцаў значок, што ў іхніх прадуктах ёсьць жыцьці, ідэнтычныя натуральным; ё) зьесьці з рукі (ці рук) чарговы цукровы паёк;

ж) пабываць пад Найробі й агульным наркозам; з) прачытаць невядомы дагэтуль эгіпэцкі чарнавік; і) перастаць вырабляць, пагатоў – увозіць, бэнзын, бо лік чалавечы – актаны лік;

к) навучыцца выдатна рухаць вушамі і зрокам; л) напісаць сьлезацечны раман і ўтрэскацца ў герайн; і о! м) дазваніцца да неба й зьвязацца з Богам: ці праўда, што ў яблыку быў герайн?!

БРЮНО БИССОН

Impromptu

Si j'étais aveugle, c'est avec mes mains que je te dirais que je t'aime,
Si j'étais sourd, c'est avec mes yeux que je te dirais que je t'aime,
Si j'étais manchot, c'est avec ma bouche que je te dirais que je t'aime,
Si j'étais tout cela à la fois, je ne pourrais pas te dire que je t'aime,
Mais mon coeur le dirait, lui.

Et là, tu es loin, je suis aveugle, sourd et manchot.
Alors seul mon coeur crie.
Je ne peux pas te dire que je t'aime,
Je peux te le sourire.

Экспромт

Если бы я был слепым, своими руками я бы тебе говорил, что люблю тебя,
Если бы я был глухим, своими глазами я бы тебе говорил, что люблю тебя,
Если бы я был без рук, своими устами я бы тебе говорил, что люблю тебя,
Если бы я был все это вместе, я не мог бы тебе говорить, что люблю тебя,
Но мое сердце-то сказало бы.

И вот, ты далеко, я слепой, глухой и без рук.
Тогда лишь мое сердце кричит.
Я не могу тебе сказать, что люблю тебя,
У меня еще есть улыбка.

перевод автора

КАДИР АЙДЕМИР

В глубине

1.
В своем теле
Я сохранил для тебя
Холодную звезду
Голос твой – ветер
Руки твои – сон
И одно солнце
Согревает нас обоих

2.
Послушал море
Ушел в землю
Вода нарисовала – мое сердце

3.
Отдай мне
Мягкую бахромку уходящей ночи
Мороз гонит
Перелетных птиц
Ветер склоняет
Меня к тебе.

Остров

Он распутывает нить, свернувшуюся в гордиев узел, –
Для него это обычное дело –
Во рту у него сигарета, и он как будто улыбается.
Маленьким перочинным ножиком он собирается отрезать кусочек от
высохшего осьминога

– Который час? – спрашивает.
– Половина четвертого...
Я смотрю на сотни иголок, воткнутых в края его плетеной корзинки
– Как же ты умудряешься не запутаться в них, – спрашиваю я.
Он молчит в ответ, словно мертвый осьминог – это он сам.

Чуть раньше мимо нас прошла свадебная процессия, с полотенцами в
руках,
Я стоял на горе, рядом с домом, и мне казалось, что трава вот-вот
загорится, так она пожелтела

Лицом. Издалека доносился
Сдавленный звук колокольчиков и запах приближающегося стада.

Сначала навстречу выходит невысокий пастух,
На его плече висит оставшаяся от деда старая винтовка,
В кармане спрятан ручной фонарик, от которого ярче загорается луна.
– Здравствуй, – говорю ему я, –
– Животные узнали твой голос, – отвечает он, – ты их спугнул.
Действительно, его бараны уже потрусили в другую сторону.
И я бросил ненужный камень на землю.

Капитан Мустафа живет в старой лодке на острове с котом по имени
Текир – единственным на весь остров.
– Будем есть то, что даст нам море, – говорит он, – и этот
оставшийся со вчерашнего дня промокший черствый хлеб.

И удивленно, будто увидев собственное лицо, он бросает кошке
засохшего скорпиона.
Мы разложили возле колодца, дающего нам воду, куски кожи. Реджеп
откуда-то достает свои корки. Он уже стал частью моря.

Приходит его сын Марко.
Они что-то бормочут, напевают по-гречески;
Он берет почерневший нож,
Маленький уж, испугавшись, прячется в траве.

Стрекот уставших кузнечиков...
На острове зажглись первые фонари,
По всему небу разлетаются летучие мыши.
Под кипарисом – сломанный трактор.
Тут же – засохшие персики, которые некому было сорвать,
И ишак, ревуший на солнце, –
Все это будто бы тоскует о море.

– Бог дал мне жизнь, как орлу, – говорит Сулейман.
Я смотрю ему в глаза, вижу в них берег,
Под которым летом прячутся скорпионы, а зимой,
когда поднимается буря, укрываются рыбаки.

перевод М. Букуловой и Ю. Орлицкого

ОНУР БЕХРАМОГЛУ

одна минута фламенко для антонио гадеса

Разноцветные ресницы, глаза – как обрывок бумажной страницы
По ногам ручьем текут ноты
Умер антонио, умер, хоть никто и не верит в это

Занимал столько гектаров суши
Прожил на них миллионы лет
И снова ушел от нас

Понял, что у каждого лица есть своя история, и что людям вполне
хватает совсем немного хитрости на всех
Пока ты смеялся, болид, груженный плутоном
Запустили в космос

Ты ушел, и на какой бы запад ты не двигался,
Оставались с тобой старые сказки
Твоего востока

Ты обернулся и увидел, как вода, стекающая на дно расщелины,
Формирует
Женственность нашего мира

Ты ушел, но ведь ты знаешь, что всякий убегающий путник
Неизбежно ловится на разные удочки -
Например, на детей, бросающих камни в поезд

Ты улетел в один из темных дней
Сжав накрепко сердце
Подобно крылатой музыкальной шкатулке

Наверно, из-за ноющей боли,
Жгучей,
Словно ты кого-то недавно похоронил

Ты сказал: «Мы здесь»
А потом: «Мы не здесь!», «Нас здесь уже никогда не будет!»
Ты произнес это так отрывисто и так неистово

А потом ты вернулся, породистый, дикий, в экстазе
Одним шагом
Заставив вооружиться свое тело

Да...
Спасибо, хлеб, будь здорово, дерево
camarad antonio gades presente!

15.09.2008

перевод М. Букуловой и Ю. Орлицкого

ЕСТЬ ЛИ У УНИВЕРСИТЕТОВ СВОЯ ПОЭЗИЯ?

материалы круглого стола

1. Как Вы считаете, существует ли в России университетская поэзия как самостоятельное явление современного литературного процесса? Если да, то в чем суть этого явления?

2. Как, по-Вашему, должна быть организована работа с молодыми поэтами в стенах вуза? Может ли вузовское литобъединение стать частью активного литературного процесса?

3. Кто, на Ваш взгляд, должен быть руководителем молодежного литературного объединения – преподаватель-филолог, известный поэт старшего поколения, студент?

Георгий Векшин (Москва), филолог, руководитель литобъединения при Московском государственном университете печати:

1. Нет, такой, конечно, не существует. Это слишком широкий и разнородно наполненный локус; вот поэзия сортиров, девичьих или дембельских альбомов, пионер- и прочих лагерей – это существует. Зато идея фестиваля вузовской поэзии – т. е. поэзии растущих молодых небездумных организмов (куда, в какую сторону растущих – другой вопрос) – прекрасная!

2. Должна быть организована душевно, но без сюсюканья, и обязательно в некоторой оппозиции к официальному учебно-академическому порядку.

3. Идеально – два руководителя: один поддерживает организационно (вхож в кабинеты), другой – кабинетов и их жильцов избегает и склонен беседовать в литературном и живом культурном контексте (и вводить в него).

Данила Давыдов (Москва), поэт, филолог, литературный критик:

Второй фестиваль университетской поэзии – приобретший международный статус – представляется мне проектом принципиальным, выходящим за пределы «просто смотра молодой поэзии». При этом – совершенно очевидно – состав участников нынешнего фестиваля очень представительен (стоит взглянуть хотя бы на лонг-листы поэзии «Дебюта» и «ЛитератуРРентгена» этого года, чтобы

увидеть – и там, и здесь – имена действительно значимых молодых авторов). Можно сказать, что здесь представлены не только отдельные, пусть и яркие авторы – но целое поэтическое поколение (уже последующее по отношению не только к поколению «Вавилона», но и к поколению «Дебюта»), очертания которого не вполне еще ясны, но явственны его отличия от предыдущих поэтических страт, явственно и столь характерное для истинного литературного поколения соединение творческой индивидуальности авторов и их самоощущения как определенной (пусть бы пока и смутно) целостности. Чтобы никого не забыть, не буду называть отдельных имен.

Однако принципиальным остается название «университетская поэзия» – с упором не только на второе, но и на первое слово. Здесь мы встречаемся с важным моментом. Подобно фразе о разрушении Карфагена, готов повторять снова и снова: в западной традиции, в которой университет не только образовательный, но и культурный центр, актуальная, инновационная традиция рождается именно в пространстве между кафедрой и кампусом. Университет есть живой организм, независимый и самодостаточный. Меж тем, мы живем в ситуации – за редчайшими исключениями – чисто формальной литературной деятельности внутри отечественных вузов. И дело вовсе не в том, что литературная продукция, публикуемая в журнальчике, издаваемом при некоем провинциальном американском университете, принципиально качественно отлична от продукции, выдаваемой участниками ЛИТО при отечественном провинциальном вузе.

Нет, и то, и то, скорее всего, лютая чепуха. Но и чепуха есть культурный гумус, на котором возрастает новое и живое. И качество этого гумуса может быть различным: автоматическое воспроизводство мертвых смыслов в наших литобъединениях часто связано с сугубо наставнической их структурой; напротив, в западной традиции мы видим самоорганизацию, пусть и дилетантскую. Конечно же, не стоит идеализированно воспринимать это противопоставление: исключения есть, а культура живет как раз исключениями. Однако структурно университетской поэзии в России и ближнем Зарубежье нет – она есть в потенции, в проекте. В этом и заключается парадокс нынешнего фестиваля (несмотря на поддержку различных организаций – вполне как раз самостоятельного, инициированного «снизу»), поскольку он не столько фиксирует явленную ситуацию, сколько прилагает усилия к формированию таковой ситуации.

Галина Ермошина (Самара), поэт, руководитель литобъединения при областной юношеской библиотеке:

1. Мне кажется, что в России такого явления, как университетская поэзия, нет. Это связано со многими причинами. Первая: в России не сложились традиции создания и существования при вузах объединений, которые могли бы заниматься студенческим поэтическим творчеством. Вторая: при университетах зачастую нет таких людей, которые могли бы и хотели бы организовать и направлять этот процесс. Конечно, при отдельных вузах существуют и развиваются довольно неплохие литературные объединения, но целостного интегрированного явления под названием «университетская поэзия» в России все же не существует.

2. Поскольку молодежь – наиболее активная группа населения, то вузовские объединения не только могли бы играть ведущую роль в современном литературном процессе, но и должны это делать. И сама университетская молодежь этого хочет и может. Главное сейчас, на мой взгляд, просто им помочь – собрать вместе, так как пишущие люди, да и стихийные поэтические объединения существуют при любом российском вузе. А как будет дальше вестись работа – все зависит от желаний и устремлений молодых: от традиционного литобъединения до каких-то более нестандартных организаций.

3. Совершенно неважно, кто окажется организатором этого процесса. Главное, чтобы это был равнодушный человек, а будет ли он студентом или педагогом – не так уж и важно. В идеале, хорошо, если бы все эти три составляющие присутствовали, образуя некую инициативную группу, но на практике всегда оказывается, что начинает кто-то один, потом присоединяются другие. И, как правило, в процессе работы роли как-то распределяются при взаимном согласии.

Дмитрий Кузьмин (Москва), поэт, переводчик, куратор, издатель, главный редактор сайта «Новая литературная карта России»:

Любые разговоры про университетскую поэзию в России упираются в то печальное обстоятельство, что университетов в собственном смысле слова в России нет. Потому что в основе университетского образования как такового лежит идея выборности: студент может и должен выбирать себе преподавателей, набор курсов и т. д. Российское образование,

напротив, полностью авторитарно, поскольку по сути продолжает оставаться советским образованием.

Применительно к университетским литературным объединениям это означает простую вещь. Или они строятся по той же авторитарной модели, в рамках которой санкционированный начальством руководитель «знает, как надо», – или возникают внутри студенческой среды неформально-протестным образом. Излишне говорить, что заскорузлое начальство среднего российского вуза санкционировать никого мало-мальски пристойного не способно. К сожалению, и собственная творческая инициатива молодых авторов рискует оказаться маловменяемым предприятием – таким маленьким оффлайновым филиалом сайта «Стихи.Ру»: прежде всего, потому, что собравшиеся в таком самозародившемся объединении авторы становятся друг для друга системой координат, заменяющей действительную систему координат в пространстве «большой» поэзии. А статус, пользуясь формулой старого фильма, «почетного святого, почетного Папы Римского нашего королевства» – вреден вообще и особенно вреден для начинающего автора: когда стайка 20-летних девочек-поэтесс дружно объявляет 20-летнего мальчика-поэта гением – увы, профессиональное будущее этого мальчика (равно как и этих девочек) в большинстве случаев вполне безнадежно.

В идеале система должна работать иначе – так, как это работает (естественно, в идеале же) в нормальном западном университете, где постоянное место поэзии обеспечено работой poets in residence, семинарами creative writings и т. д. Задача профессионалов, приносящих поэзию в студенческую среду, обеспечить возможность подключения всех желающих (и как начинающих авторов, и просто как читателей) к реально существующему пространству современной поэзии. В фокусе внимания университетского литературного объединения должны находиться не только и не столько собственные сочинения его участников, сколько, прежде всего, наиболее важные литературные события настоящего и недавнего прошлого – потому что они-то и задают участникам необходимую перспективу и для разговора о собственном творчестве, и для самого этого творчества, которое обязано как-то встроиться в имеющийся контекст и не потеряться в нем. И если эта задача поставлена и осознана, то не так уж важно, кто персонально будет отвечать за ее реализацию: энтузиаст-преподаватель, энтузиаст-

студент или «варяг» из действующих литераторов (у последнего варианта есть очевидные преимущества, в том числе чисто практические – в виде набора нужных знакомств, но велика и вероятность того, что мэтр начнет тянуть одеяло на себя и знакомить не со всей имеющейся литературой, а со своим окружением).

Павел Настин (Калининград), поэт, куратор:

1. Насколько я знаю, систематически этим занимаются в РГГУ, судя по сборникам. Как организован процесс в других университетах, я не знаю. Аналогичные РГГУшным сборники, изданные, скажем, калининградским РГУ им. Канта мне не попадались.

Насколько я могу судить, на широкую поэтическую сцену нечто, называемое «университетская поэзия», пока не выходило. В принципе это возможно, так как такой феномен как «молодая поэзия» на сцене закрепился (система премий: «Дебют» и «ЛитератураРРентген»; изданий, сайтов).

2. Работа может быть организована любым формальным или неформальным образом. Полагаю, что полезно иметь формальную структуру, что-то вроде литературного клуба, а система неформальных отношений сложится в любом случае по обстоятельствам.

Другой вопрос, каков будет уровень, как уровень работы будет зависеть от уровня преподавателя и т. д.

3. В любом случае, кто бы это ни был, а это может быть как преподаватель, так и приглашенный «внешний» поэт (скажем, некий известный поэт, тогда организационно мы получаем что-то отдаленно похожее на poet in residence) – встанет вопрос о неформальном лидерстве, о способности руководителя объединения быть таковым.

Ирина Романова (Смоленск), филолог, руководитель литобъединения при Смоленском государственном университете:

1. Я не склонна делить поэзию на университетскую, школьную, геронтологическую и проч. Она или есть, или ее нет. Поэзия молодых авторов выходит далеко за пределы университетских стен и по тематике, и по особенностям поэтики, и слава Богу.

2. Литобъединение в уважающем себя университете должно быть. Необходимо дать молодым авторам благоприятную почву, на которой их творчество могло бы развиваться, совершенствоваться, обсуждаться, вписываться в общероссийский контекст. Я вижу здесь несколько необходимых форм работы. С одной стороны, знакомство с литературоведческим аппаратом, занятия, посвященные литературной кухне, что позволит устранить элементарную безграмотность. С другой стороны, творчество молодых авторов должно обсуждаться на фоне современного литературного процесса, знакомства с его основными тенденциями. Нужно устраивать публичные чтения у себя дома, участвовать в фестивалях на выезде, организовывать мастер-классы с известными авторами. При хорошо поставленной работе вузовское литобъединение органично вольется в этот самый литературный процесс.

3. Я думаю, это не имеет принципиального значения. Во главе должен стоять человек грамотный, тонкий и объективный. Мой опыт показывает, что известный поэт любого поколения может дать очень много, но он в меньшей степени способен быть беспристрастным по отношению к чужим стилям и творческим манерам. Он вольно или невольно культивирует определенную поэтику, литературные вкусы и авторитеты. Вокруг такой харизматичной личности обычно складывается литературная школа с ярко выраженной художественной спецификой. Это никак нельзя назвать плохим опытом, так как история литературы и представляет собой борьбу литературных направлений, стилей и школ. Литературная школа – важнейшая категория литературного процесса. Педагог-филолог, на мой взгляд, может быть гораздо более объективен и беспристрастен в процессе общей филологической подготовки своих подопечных и обсуждения их текстов, в оценке этих текстов. Он более панорамно видит общую картину литературного процесса и место в нем своего объединения в целом и его отдельных авторов. Но в таком случае необходимо устраивать мастер-классы с разными маститыми современными авторами. Талантливый студент способен возглавлять объединение, которое будет иметь собственный голос, но, думаю, в этом случае человеческие и литературные вкусы и связи станут определяющими, что в большинстве случаев (бывают и гениальные исключения) сделает объединение «широко известным в узких кругах».

Сергей Стратановский (Санкт-Петербург), поэт, руководитель литобъединения при Санкт-Петербургском художественном училище им. Н.К. Рериха:

1. Я против понятия «университетская поэзия», так же, как и против понятия «молодежная поэзия». Более правильно, мне кажется, говорить «современная молодая поэзия». Конечно, существует так называемая «молодежная субкультура», но глухой стены между ней и культурой вообще – нет. Молодые должны взрослеть, а позиционирование себя как «молодежного» и тем более «университетского» поэта может только помешать взрослению.

2. Литературные объединения в вузах – очень важная вещь. Достаточно вспомнить, какую роль в литературной жизни Ленинграда играло в 50 – 60-е годы ЛИТО при Горном институте, руководимое Глебом Семеновым. В 70-е годы прочесть свои стихи можно было только в кругу друзей или в литобъединении. Именно в них создавалась и создается литературная среда. Что касается «активного литературного процесса», то мне кажется что не существует какого-либо главного русла этого процесса, в отношении которого литобъединения – то же, что Обводный канал по отношению к Неве.

3. Руководить студенческим ЛИТО должен, на мой взгляд, поэт старшего поколения. Но при этом желательно, чтобы у него было филологическое образование, ибо его задача не научить писать стихи (можно ли этому научить?), а научить их понимать и оценивать.

Дарья Суховой (Санкт-Петербург), поэт, филолог, куратор:

1. Не думаю, что университетская поэзия существует как отдельное явление. Понятно, что людям в студенческом возрасте надо откуда-то извне брать точку отсчета, если они уже пишут или начинают писать. Часто эта точка отсчета берется вне стен вуза, но внутри стен вроде как тоже необходимо давать какие-то ориентиры. Ну и сразу же, в связи с университетской поэзией, вспоминается два жупела как минимум. Раз: филологическая поэзия (а любая поэзия, по большому счету, филологична, так как апеллирует и к языку, и к литературной традиции); но филология – это примерно 1/30, а то и 1 % специальностей, которые преподают в вузах, а шуму-то, шуму! Второй жупел – «поэт для

древообделочников» (Л.В. Щерба, меж тем), намекающий на узкую специализацию адресата поэзии в рамках системы профориентации и невозможность такого пути для поэта. Сейчас этого полно (поэзия субкультур), однако мало что вырывается в большое поле поэзии. В первую очередь университет призван давать образование и ориентацию в культуре и жизни. Образованность автора зачастую в современности не связана с тем, что он обучается или обучался в университете. Самообразование и чтение книг — вот что делает поэта по-настоящему образованным.

2. Может. Примеры тому — в истории литературы второй половины XX века: ЛИТО Горного Института в Ленинграде 1960-х, которым руководил Глеб Семенов. В нынешнее время университетское ЛИТО как институция в целом не может стать частью процесса (в силу того, что в ЛИТО попадают без особого отбора, а клановость вообще чужда современной литературе, которая — набор возможных индивидуальных высказываний и практик). На базе студии или ЛИТО может сформироваться какая-то литературная группа, существенная в контексте города или страны. Студия или ЛИТО могли бы, по желанию студийцев, адресовать их к актуальному литературному процессу страны. А эта роль тоже важная. Только вот все ли с этой нехитрой, но трудной задачей справляются?

3. Кто угодно, в том числе и пришлый, малоизвестный бюрократической системе некоторого вуза, вроде как случайный для этой институции человек. Я знаю, что такого не бывает, но все-таки и такое теоретически возможно. Главное, чтобы руководитель ЛИТО умел внимательно слушать, верить и разбирался в современности. Не только в поэзии, но в картине современного мира в целом.

Леонид Юлдашев (Челябинск), куратор, студент Южно-уральского государственного университета:

1. Говорить об университетской поэзии в России, по-моему, преждевременно. Разумеется, в ряде крупных университетов есть довольно внятные сборники и альманахи, периодические и разовые. Однако университетская поэзия не может определяться местом создания текста или социальным статусом автора текста (студент, аспирант). В США существует система интеграции студенческих литобъединений в

актуальный литпроцесс, которая определяет облик американской университетской поэзии. У нас такой системы нет, и пока она не появится, разговор о российской университетской поэзии лишен смысла.

2. Самым лучшим способом организации студенческого литобъединения мне представляется семинар. Темы могут быть самыми разными — теория и практика соединения слов в лучшем порядке, разговор о чьих-то стихах, обсуждение новых текстов участников литобъединения и пр. Формат семинара, кажется, самый подходящий, т. к. семинар предполагает — в идеале — полилог, свободный от ограничений и вкусовщины.

Вузовское литобъединение может быть частью литпроцесса в качестве институции или группы авторов. Однако на сегодняшний день университетские литобъединения никак не связаны с литпроцессом, так как многие студенты не представляют себе состояние современной литературы и не знают, что «есть куда интегрироваться».

3. Руководитель литобъединения — крайне важная фигура, особенно для новых членов литобъединения. Традиционная школьная концепция учителя как маяка во мраке учености очень плотно сидит в головах, и потому за границами учительской рекомендации ничего нет. Я всегда удивлялся низкому уровню интереса к современной литературе у молодых поэтов. Оказывается, они читают только то, что им порекомендует их старший товарищ / учитель.

Идеальный руководитель студенческого литобъединения — действующий актуальный поэт, так как он сможет объективно оценить качество стихов своих ЛИТОВцев и ввести их в литпроцесс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярослава Ананко (Минск – Москва). Студентка ЛИ им. Горького. Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Алексей Афонин (Санкт-Петербург). Участник Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Александра Бабушкина (Москва). Аспирантка РГГУ. Одна из организаторов творческого объединения «ЛитПроект» в РГГУ. Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Татьяна Барботина (Москва). Студентка ЛИ им. Горького. Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Алеся Башарымава (Могилев – Минск). Выпускница Белорусского государственного экономического университета. Финалистка конкурсов «Дзень Зямлі» (2004), им. У. Караткевича (2005), им. К. Шермана (2009), фестиваля «Фэст аднаго верша» (2009).

Денис Безносков (Москва). Студент МНЭПУ.

Ольга Бес (Туркина) (Санкт-Петербург). Выпускница Санкт-петербургского художественного училища им. Рериха. Участница семинара С.Г. Стратановского.

Степан Бранд (Москва). Студент МГЛУ им. Мориса Тореза. Участник Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Анастасия Векшина (Москва – Тарту). Выпускница РГГУ, докторантка Тартуского университета. Финалист литературной премии «Илья», шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2008). Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Владимир Воронцов (Алма-Ата). Выпускник Казахского национального педагогического университета, литературного семинара ОФ «Мусaget». Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2009).

Инна Заикина (Могилев – Минск). Студентка Белорусского государственного университета. Финалистка конкурса им. К. Шермана (2009).

Алла Зиневич (Санкт-Петербург). Выпускница СПбГУ, аспирантка ИРЛИ РАН. Победительница конкурса «ПОЭТому» в номинации «Послушайте!» (2008).

Ігар Кулікоў (Минск). Студент Белорусского государственного университета. Финалист конкурса им. К. Шермана (2009).

Елизавета Калинина (Нижний Новгород). Студентка НГЛУ им. Добролюбова. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2009).

Валентина Канухина (Москва). Студентка РГГУ. Участница ЛитПроекта РГГУ.

Марк Кирдань (Максимов) (Москва). Студент ЛИ им. Горького. Шорт-лист премии «ЛитератуРРентген» (2009). Участник Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Анастасия Кирсанова (Калининград). Аспирантка РГУ им. Канта. Участница творческой группы «Сквозняки».

Александра Киселева (Москва). Студентка ЛИ им. Горького.

Алексей Костылев (Смоленск). Выпускник Смоленского государственного университета. Участник литературного объединения «Персона».

Иван Курбаков (Москва). Студент ЛИ им. Горького.

Александр Курицын (Нижний Новгород). Выпускник ННГУ им. Лобачевского. Аспирант ВГИПУ.

Катерина Кюне (Екатерина Цыбина) (Москва). Выпускница ЛИ им. Горького. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2009).

Денис Ларионов (Клин). Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2009). Участник Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Эдуард Лукоянов (Губкин – Москва). Студент ЛИ им. Горького. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «малая проза» (2008, 2009). Участник Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Любовь Лямкина (Москва). Студентка МГУП. Участница литературной студии при МГУП.

Екатерина Малова (Москва). Студентка РГГУ. Участница ЛитПроекта РГГУ.

Александр Маниченко (Челябинск – Москва). Студент ЛИ им. Горького. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2008, 2009), шорт-лист премии «ЛитератуРРентген» (2008, 2009).

Максим Маркевич (Москва). Выпускник МГУП. Участник литературной студии при МГУП.

Дмитрий Машарьгин (Екатеринбург). Студент ЕГТИ. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2008, 2009).

Ольга Метальникова (Калининград). Окончила художественное училище, студентка Санкт-петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права. Участница творческой группы «Сквозняки».

Анна Новицкая (Калининград). Аспирантка РГУ им. Канта. Участница творческой группы «Сквозняки».

Лев Оборин (Москва). Аспирант РГГУ. Шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2004, 2008), лонг-лист в номинации «поэзия»

(2007, 2009) и «эссеистика» (2009). Шорт-лист премии «Содружество дебютов» (2008).

Анна Орлицкая (Москва). Студентка РГГУ. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2008, 2009). Одна из организаторов творческого объединения «ЛитПроект» в РГГУ. Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Андрей Павлов (Чебоксары – Москва). Выпускник Чебоксарского государственного университета, студент РГГУ.

Антон Равик (Санкт-Петербург). Выпускник СПбГУ. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «малая проза» (2009). Участник Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Дмитрий Ратников (Смоленск). Аспирант Смоленского государственного университета. Участник литературного объединения «Персона».

Майя Руцкая (Москва). Аспирантка РГГУ. Участница ЛитПроекта РГГУ.

Галина Рымбу (Омск – Москва). Студентка ЛИ им. Горького. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2009).

Айгуль Сабитова (Уфа). Студентка Башкирского государственного педагогического университета им. Акмуллы. Участница литературного объединения «Тысячелистник».

Иван Сапков (Москва). Аспирант МГУ.

Света Сдвиг (Самара – Москва). Выпускница Самарского муниципального университета Наяновой и РГГУ. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2003, 2005, 2007, 2009), шорт-лист премии «ЛитератуРРентген» (2009). Гран-при фестиваля «Молодой литератор» (2009).

Мария Скаф (Москва). Студентка ЛИ им. Горького. Лонг-лист премии «Дебют» в номинациях «поэзия» и «эссеистика» (2009). Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Дарья Смирнова (Тверь). Аспирантка Тверского государственного университета.

Александра Соболева (Москва). Аспирантка Московского государственного педагогического университета. Лауреат конкурса «Лишь слову жизнь дана» (Пермь).

Анастасия Строкина (Санкт-Петербург – Москва). Выпускница ЛИ им. Горького, аспирантка РГГУ. Лауреат фестиваля «Молодой литератор» (2009).

Анастасия Трифонова (Смоленск). Студентка Смоленского государственного университета. Участница литературного объединения «Персона».

Карина Тумаева (Киев). Студентка Киевского торгово-экономического университета. Серебряный призер Малой академии наук в секции «литературное творчество» по г. Киеву (2005, 2006, 2007). Победительница всеукраинского конкурса студенческой поэзии «Колир» (Цвет), шорт-лист Интернет-ресурса «Клуб молодых дарований» (2008).

Адель Циферблат (Нижний Новгород). Студентка ННГУ им. Лобачевского. **Андрей Черкасов** (Челябинск – Москва). Студент ЛИ им. Горького. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2008, 2009), шорт-лист премии «ЛитератуРРентген» (2007, 2008, 2009). Модератор Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России».

Артем Филатоф (Нижний Новгород). Студент ННГУ им. Лобачевского. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2009).

Вячеслав Хисамутдинов (Пермь). Студент ПГПУ.

Ольга Яковлева (Калининград). Студентка РГУ им. Канта. Участница творческой группы «Сквозняки».

Kadir Aydemir (Кадир Айдемир) (Стамбул). Выпускник Анатолийского университета. Лауреат швейцарского поэтического конкурса.

Onur Behramoğlu (Онур Бехрамоглу) (Стамбул). Выпускник университета «Едитепе».

Bruno Bisson (Брюно Биссон) (Париж – Москва). Выпускник Сорбонны, преподаватель РГГУ, переводчик.

День открытых окон 3

Стихи участников II Московского
фестиваля университетской поэзии